

Великая Отечественная: Неизвестная война

Марк Солонин

22 ИЮНЯ,

или Когда началась
Великая Отечественная война?

«... Марк Солонин совершил научный подвиг, и то, что он делает, — это золотой кирпич в фундамент той истории войны, которая когда-то будет написана...»

Виктор Суворов

Великая Отечественная: Неизвестная война

Марк Солонин

**22 июня, или Когда началась
Великая Отечественная война**

«Яуза»

Солонин М. С.

22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война
/ М. С. Солонин — «Яуза», — (Великая Отечественная:
Неизвестная война)

В сенсационной и скандальной книге Марка Солонина по-новому рассматривается начальный период войны между гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом. На основе данных, извлеченных из ранее засекреченных документов и материалов, а также анализа научно-исторической и мемуарной литературы автор опровергает уже устоявшиеся и новые мифы о причинах катастрофических поражений Красной Армии в первые месяцы войны, дает объективную, глубоко аргументированную трактовку хода военных событий. Первостепенное внимание уделено влиянию «человеческого фактора». Книга предназначена историкам и всем, кто интересуется Второй мировой войной.

© Солонин М. С.

© Яуза

Содержание

К читателю	5
Предисловие	6
Как появилась эта книга	6
С чего начнем	11
Сенсаций не будет	15
Часть 1	16
Вторник, 17 июня	16
«Сотрясая землю грохотом танковых колонн...»	22
«И пошел, командою взметен...»	27
На рассвете 25 июня 1941 года...	32
«Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...»	38
Разгром	43
Первый маршал	49
Часть 2	54
Замысел	54
Обреченные на успех	56
Без свидетелей	61
Анатомия катастрофы	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Марк Солонин

22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война

К читателю

Моему отцу, Семену Марковичу Солонину, рядовому Великой войны, посвящается

«Правда не побеждает. Правда остается, когда все остальное уже растрчено».

Этими словами заканчивался программный документ чешской оппозиции «Две тысячи слов». Тогда, в июне 1968 года, едва ли кто-то мог предположить, что эта фраза будет точно описывать ситуацию, сложившуюся сегодня на бескрайних просторах бывшей советской империи.

Автору книги, которую выдержите в руках, потребовалось 15 лет и 138 тысяч слов для того, чтобы найти и описать маленький кусочек исторической правды – основные события книги не выходят за временные рамки двух недель лета 1941 года. Теперь, когда книга выходит на встречу с российским читателем, я хочу выразить огромную благодарность тем людям, которые добрым словом, дружеской поддержкой, конструктивной критикой помогали мне в этой работе.

Прежде всего, главному библиографу Самарской областной научной библиотеки А.Н. Завальному, ведущему научному сотруднику ИМЭМО К. Л. Майданику, секретарю Московского отделения Общества историков России Л. А. Наумову, доценту кафедры философии Сам-ГТУ А. С. Степанову.

Огромную роль в написании этой книги сыграли уникальные документы и материалы, введенные в научный оборот Интернет-сайтами «Мехкорпуса Красной Армии» – (mechcorps.rkka.ru), «BBC России» (airforce.ru), «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» (rkka.ru), «The Russian Battlefield» – (battlefield.ru), ведущим и составителям которых автор выражает свою особую признательность.

Важным этапом работы была публикация первых глав книги газетой «Волжская коммуна», за что автор приносит глубокую благодарность ее главному редактору В. Л. Наганову.

Наконец, считаю необходимым поблагодарить и вас, уважаемый читатель. Сколько бы я и мои коллеги по цеху историков и писателей ни гордились своим «треножником», как бы ни грозились мы «не дорожить любовью народной» – театр не живет без зрителей, книга не существует без читателей. Это тем более верно, когда речь идет о книге отнюдь не для «легкого чтения». В ней нет простых и коротких ответов на те сложнейшие вопросы, над которыми еще предстоит работать поколениям исследователей, и каждый читатель, набравшийся смелости и терпения прочитать эти 138 тысяч слов, по праву должен считаться со-ТРУД-ником автора. Только нашими совместными усилиями трагическая правда о советской истории останется. Даже если все остальное будет растрчено.

Самара Россия, декабрь 2004 г.

Предисловие

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит...
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске...
«В сороковом году»*

Анна Ахматова

Моему отцу, Семену Марковичу Солоницу, рядовому Великой войны, посвящается

Как появилась эта книга

Я – за мораторий. Честное слово. И если бы такое решение было на государственном уровне принято, я бы подчинился ему самым добросовестным образом.

В самом деле, что мешало принять общее, обязательное для всех решение: всякое публичное обсуждение истории Великой Отечественной войны запретить. На сто лет. До 2045 года.

Никаких книг, никаких статей. В школьном учебнике – краткое уведомление о том, что в стране действует мораторий. И только тогда, когда воспоминания об этом состоявшемся Апокалипсисе перестанут быть кровоточащей раной в сердце народа, когда уйдут последние ветераны, когда прах неизвестных солдат станет, как в песне сказано, «просто землей и травой», – вот тогда рассекречиваем ВСЕ архивы для ВСЕХ желающих в них работать и работаем. Создаем общими усилиями правдивую, на документах основанную, историю Великой войны.

Подлинные документы войны засекретили и стерегли за семью замками, как особо важные тайны государства. Даже газеты, центральные советские газеты предвоенного и военного времени, были изъяты из открытых фондов общедоступных библиотек. Речи Молотова и Сталина, тексты межгосударственных договоров, заключенных Советским Союзом в 1939–1941 г.г. – это тайна. Страшная военная тайна.

Тщательно организованный вакуум достоверной информации на протяжении полувека заполняли стандартные, как матрешки, тексты, в которых старательно переписывались одни и те же, директивно установленные мифы. Военная история как точная наука фактов и документов была практически полностью подменена пропагандистскими заклинаниями. Дело доходило до таких курьезов, как исполнение одним и тем же номенклатурным сановником поочередно обязанностей руководителя Управления спецпропаганды (т. е. главного обманщика) Главного политуправления Советской Армии и... Института военной истории!

Важнейшим вопросом, над «разъяснением» которого трудилась узкая группа безгранично преданных партии людей, был вопрос о том, почему в первые же недели войны Красная Армия была смята, разгромлена и большей частью взята в плен? Почему вермахту удалось дойти до озер Карелии, до калмыцких степей, до Кавказских гор? Почему пожар войны достиг до таких мест, где чужеземных захватчиков не видали со времен «великой смуты» XVII

века? Как случилось то, что большая часть всех жертв, всей крови и пота войны ушли только для того, чтобы к осени 1944 года вернуть потерянное в первые несколько недель отступления?

Первым причины «временных неудач» Красной Армии указал сам товарищ Сталин. В своем знаменитом радиообращении к «братьям и сестрам» 3 июля 1941 г, а затем, в более развернутом виде, в докладе на торжественном заседании по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции Сталин назвал **три фактора**, которые якобы обусловили успехи вермахта:

- немецкая армия была заблаговременно отмобилизована и придвинута к рубежам СССР, в то время как сохраняющий строгий нейтралитет Советский Союз жил обычной мирной жизнью;

- наши танки и самолеты лучше немецких, но у нас их пока еще очень мало, гораздо меньше, чем у противника;

- за каждый шаг в глубь советской территории вермахт заплатил гигантскими невосполнимыми потерями. Конкретно, Сталин назвал цифру в 4,5 миллиона убитых и раненых немцев.

Две недели спустя Совинформбюро позволило себе оспорить заявление самого товарища Сталина – случай в истории этого ведомства небывалый. Было заявлено, что потери вермахта к середине ноября 1941 г. составили уже 6 миллионов человек.

Отдадим должное товарищу Сталину. Он врал, но врал с умом. Из его заведомо ложных измышлений вырисовывался образ страны миролюбивой, но с большими потенциальными возможностями. Да, сегодня у нас танков мало – завтра будет много, мы не начинали мобилизацию первыми – но уж теперь мы соберем все для фронта и для победы. Германия же не может позволить себе каждые полгода терять по шесть миллионов солдат, а значит – в самое ближайшее время, «через полгода год рухнет под тяжестью своих преступлений». Именно такую перспективу обрисовал Сталин, выступая с трибуны Мавзолея на параде 7 ноября 1941 г. И с точки зрения военной пропаганды (которая не имеет права быть правдивой) он сказал то, что надо было сказать людям, уходящим в бой.

После войны и после победы советские «историки» получили задание – ложь усилить, но при этом сделать ее чуть более правдоподобной. Непростое задание – но они справились.

Про то, что вермахт потерял в начале войны 4,5 (или даже 6) миллионов, забыли, замолчали и никогда больше не вспоминали. Логика очень простая – немецкие архивы были к этому времени открыты, материалы, в частности и о потерях личного состава, опубликованы, и продолжать ТАК врать значило выставить себя на посмешище всему свету.

В порядке «компенсации» картину беззащитности Советского Союза усилили заявлением о том, что основная часть танков и самолетов, состоявших на вооружении Красной Армии к началу войны, представляла собой безнадежно устаревший хлам, «не идущий ни в какое сравнение» с техникой противника. Значительно более настойчиво и громко стал подаваться и тезис о «внезапном нападении» (Сталин тему пресловутой «внезапности» старался особенно не выпячивать, делая акцент на слове «вероломное», – а это две большие разницы. Тезис о «вероломстве» характеризует Гитлера как преступника, тезис о «внезапном нападении» выставляет Сталина в качестве слепого, наивного дурачка).

Никита Хрущев, придя к власти, также немного доработал историю начала войны. Он представил Сталина в виде дурака упрямого – Рихард Зорге и Уинстон Черчилль слали ему свои знаменитые «предупреждения», а тот и слушать никого не хотел.

Таким образом, к концу 50-х годов окончательно сформировалась та версия, которую в последующие десятилетия вколачивали в массовое сознание с настойчивостью и непреклонностью парового молота:

- во-первых, мы мирные люди, к войне мы не готовились, наше правительство боролось за мир во всем мире и старалось не допустить втягивания СССР в войну;

- во-вторых, «история отпустила нам мало времени», поэтому мы ничего (танков, пушек, самолетов, даже винтовок в нужном количестве) не успели сделать, и наша армия вступила в

войну почти безоружной (бутылка с зажигательной смесью играла тут ключевую роль, про эту бутылку знают даже те, кто ничего про историю войны не знает);

в-третьих, Сталин не разрешил привести армию в состояние какой-то особой «готовности к войне», и поэтому немецкие бомбы обрушились на «мирно спящие советские аэродромы».

Из этого трехчлена (который на все лады перепевался во всех книжках – от школьного учебника до толстенных монографий) легко и просто вытекал ответ на вопрос о ВИНОВНИКАХ страшной катастрофы. Виноватыми оказались:

- история, «которая отпустила нам мало времени»;
- Гитлер, который месяца за два не предупредил Сталина о своих намерениях;
- и, наконец, излишняя наивность и доверчивость в целом положительного товарища Сталина.

Родной коммунистической партии в этой схеме была оставлена только одна роль – роль организатора и вдохновителя всех наших побед.

Вся ясно, просто, логично. Любая попытка усомниться в достоверности этих мифов расценивалась в диапазоне от «циничного глумления над памятью погибших» до «новой вылазки литературных власовцев».

Признаюсь – я и сам во все это верил. Класа эдак до восьмого. Потом стали появляться некоторые смутные сомнения. С годами они только усиливались.

В самом деле, при товарище Сталине весь советский народ работал. Работали все мужчины. Работали почти все женщины. Декретный отпуск давался на четыре месяца: два до и два после. Потом – от грудного младенца к станку. Подростки – «фэззушники» тоже работали. Страна работала с раннего утра («нас утро встречает прохладой») и до глубокой ночи. Ну а военные заводы уже задолго до войны работали в три смены, с утра и до утра. Причем, заметьте, никто из сотни миллионов работников не работал мерчендайзером, спичрайтером, имиджмейкером, трейдером, брокером, дилером, шмилером... Все конкретно пахали.

Куда же делся произведенный продукт?

Как это у нас могло оказаться меньше танков-самолетов, нежели в Германии? Что же тогда делали эти круглосуточно дымящие заводы – ситчик для комсомолок? Холодильники и соковыжималки для коммунальных кухонь?

Низкая производительность труда? Не спешите, не спешите, уважаемый читатель, с такими подозрениями. Давайте для начала выслушаем мнение знающих людей.

В 1936 г. авиационные заводы СССР смог посетить Луи Шарль Бреге, руководитель крупнейшей французской авиастроительной фирмы (выпускающей совместно с фирмой «Дассо» реактивные «Миражи» и по сей день). В отчете о своей поездке в СССР он написал: *«Используя труд вдесятеро большего количества рабочих, чем Франция, советская авиационная промышленность выпускает в 20 раз больше самолетов»*. В апреле 1941 г. военно-воздушный атташе Германии Г. Ашенбреннер с группой из десяти инженеров посетил главные авиапредприятия СССР (ЦАГИ, московские заводы № 1, 22, 24, Рыбинский и Пермский моторные заводы). В отчете, представленном Герингу, Ашенбреннер писал:

«Каждый из этих заводов был гигантским предприятием, где работало до 30 тысяч человек в каждую из трех смен, работа прекрасно организована, все продумано до мелочей, оборудование современное и в хорошем состоянии...»

А в Германии было тогда в два с половиной раза меньше людей, чем в СССР. Немецкая фрау сидела дома и воспитывала киндеров. Повзрослевшие киндеры пели нацистские марши и ходили строем, оттягивая носок, не после работы, а вместо работы. На втором году мировой войны авиационные заводы Германии работали в одну смену! Сверхдефицитный на войне алюминий расходовался на производство садовых домиков и приставных лесенок для сбора груш. Производственные мощности немецких заводов были загружены изготовлением пате-

фонов и велосипедов, радиоприемников и легковых автомобилей, фильдеперсовых чулочков и бритвенных лезвий. Серийное производство первых боевых танков, самолетов, подводных лодок началось только в 1935–1936 годах – меньше чем за одну пятилетку до начала мировой войны.

Так когда же немцы умудрились создать то самое пресловутое «многократное превосходство в танках и самолетах»? И из чего они его могли создать?

В Германии нет своих бокситов, своего никеля, марганца, вольфрама, меди, каучука, нефти... Простого угля и железной руды и то не хватало, всю войну немцам приходилось возить железную руду морем из Швеции. Под бомбами авиации союзников. А у Сталина под ногами была вся таблица Менделеева, в том числе – нержавеющее золото, за которое во Франции, в Америке, в той же Германии закупалось все: новейшее оборудование – целыми заводами, новейшие авиамоторы, лучшие в мире транспортные самолеты, лучшие умы и секретнейшие чертежи.

И всего этого не хватило для того, чтобы вооружить Красную Армию хотя бы не хуже новорожденного вермахта?

От размышлений над этими вопросами автора на несколько лет отвлекла учеба в авиационном институте, затем – проектирование лазерной пушки в «почтовом ящике», затем – работа в угольной кочегарке и общественная борьба эпохи у гласности и переломки.

За что боролись – то и получили. Да, гораздо меньше, чем хотелось бы, но все-таки в начале 90-х годов в научный оборот было введено большое число документов кануна и начала войны, в открытой печати были опубликованы ранее засекреченные труды советских военных историков. Кроме того, новые времена открытости, свободы печати и Интернета сделала доступными для независимого исследователя и богатейшие залежи работ немецких историков и мемуаристов. И хотя по сей день огромные пласты документального материала все еще скрываются от народа (причем без всякого пристойного объяснения), того, что уже открыто, вполне достаточно, чтобы детально и точно оценить соотношение сил сторон по состоянию на 22 июня 1941 г.

Да, конечно, никакого «технического превосходства вермахта» не было и в помине. Пушку образца первой мировой войны тащила шестерка лошадей, главным средством передвижения пехоты вермахта была одна пара ног на каждого солдата, и вооружен этот солдат был самой обыкновенной винтовкой (это только в плохом советском кино все немцы в 1941 году ходят со «шмайсерами», а вот по штатному расписанию даже в элитных дивизиях вермахта «первой волны» было 11 500 винтовок и всего 486 автоматов).

Разумеется, предельно милитаризованная сталинская империя, долгие годы готовившаяся к Большой Войне с предельным напряжением всех ресурсов богатейшей страны мира, вооружила и оснастила свою армию как нельзя лучше. Разумеется, танков и самолетов, зенитных орудий и гусеничных тягачей, аэродромов и аэростатов в Красной Армии было больше, чем в армиях Англии, Франции и Германии, вместе взятых.

Разумеется, научно-технический уровень советского военного производства не просто «соответствовал лучшим мировым стандартам», а по целому ряду направлений формировал их. Лучший в мире высотный истребитель – перехватчик (МиГ-3), лучшие в мире авиационные пушки (ВЯ-23), лучшие в мире танки (легкий БТ-7М, средний Т-34, тяжелый КВ), первые в мире реактивные установки залпового огня (БМ-13, «катюша»), новейшие артсистемы, радиолокаторы, ротационные кассетные авиабомбы, огнеметные танки и прочая, прочая, прочая – все это существовало, и не в чертежах, не в экспериментальных образцах, а было запущено в крупную серию.

Разумеется, сосредоточение трехмиллионной группировки вермахта у западных границ СССР было выявлено советской разведкой, причем выявлено с точностью до полка и эшелона. И хотя подлинных документов, раскрывающих оперативные планы немецкого командования,

на столе Сталина никогда не было, общая военно-политическая готовность гитлеровской Германии к агрессии на востоке не была секретом ни для высшего государственного руководства СССР, ни для старших командиров Красной Армии.

Имеющиеся документы неопровержимо свидетельствуют о том, что скрытая мобилизация и стратегическое развертывание вооруженных сил Советского Союза начались ДО, а не после первых оружейных залпов на границе. Что касается цели этого развертывания, то по этому поводу возможна (и необходима) дискуссия. Последние предвоенные планы прикрытия мобилизации и развертывания войск западных округов были опубликованы только полвека спустя после их принятия. Но ведь войска *сосредотачиваются и развертываются* для чего-то, для проведения каких-то операций, а не просто для того, чтобы создать лишние проблемы с необходимостью их *прикрытия*. Соответственно, и планы прикрытия были всего лишь частью некоего, засекреченного и по сей день, Большого Плана.

Какой бы то ни было, Красная Армия готовилась к войне, причем к такой войне, которая должна была начаться в ближайшие недели или даже дни. Самое большее, чего могли в такой ситуации добиться немцы, так это весьма ограниченного во времени и пространстве эффекта тактической внезапности. И не более того.

С чего начнем

Как это часто (или всегда?) бывает в истории науки, новое знание, разрешив старые вопросы, поставило новые, гораздо более сложные. После того как спрятаться за ширму заведомо ложных измышлений о «многократном численном превосходстве вермахта» стало уже невозможно, обсуждение подлинных причин беспримерной в истории военной катастрофы стало еще более актуальным и еще более сложным.

Строго говоря, это обсуждение началось за много лет до окончательного крушения КПСС.

Не настолько уж мы «ленивы и нелюбопытны» (Пушкин), чтобы среди сотен тысяч живых свидетелей драматических событий тех лет не нашлись люди, готовые усомниться в достоверности официального бреда. Уже во времена хрущевской «оттепели» на свет божий из непроглядной тьмы военной тайны выпорхнули кое-какие цифры, факты, документы, после обнародования которых продолжать прежнее вранье стало совсем уже неприлично. Нельзя не упомянуть, например, двухтомную монографию Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма». Хотя вся она была посвящена немецкой истории, и любых сравнений автор предусмотрительно избегал, у имеющего глаза и мозги читателя пропадали последние сомнения по поводу «многократного превосходства вермахта в танках и авиации».

Еще дальше пошли Некрич и Григоренко. С огромным количеством оговорок, извинений и оправданий они все-таки написали черным по белой бумаге, что никакого численного либо технического превосходства над Красной Армией у вермахта не было. Для одного из них это закончилось изгнанием из СССР, для другого – заключением в спецпсихбольницу МВД.

В эпоху «нового мышления» их дело продолжил (скорее всего – сам того не подозревая) Виктор Суворов. Со своим редким даром публициста, с яростной напористостью человека, нашедшего наконец единственную истину, В.Суворов в своей трилогии («Ледокол», «День-М», «Последняя республика») камня на камне не оставил от лживого мифа про тихую, мирную и почти безоружную сталинскую империю.

Увы. Разрушив старые мифы, В. Суворов поспешил заменить их новым. Оказывается, Красная Армия была велика и могуча – но только до трех часов утра 22 июня 1941 г. На следующий день она уже была обескровлена и разоружена внезапным нападением гитлеровцев. Со страниц трилогии Суворова просто льется торжественная песнь Первого Обезоруживающего Удара:

«...при внезапном ударе советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей... Внезапный удар по аэродромам ослепляет танковые дивизии... Советские разведывательные самолеты не могут подняться в небо... Нашему циклопу выбили глаз. Наш циклоп слеп. Он машет стальными кулаками и ревет в бессильной ярости...» Ну и так далее.

Для пущей убедительности Суворов предложил и свой, гораздо более правдоподобный вариант объяснения причины такого конфуза – Красная Армия сама готовилась к нападению и якобы поэтому забыла про всякую осторожность. По сравнению с издевательски глупой версией коммунистических «историков» (про то, как робкий и наивный Сталин боялся дать Гитлеру «повод для вторжения») гипотеза Суворова смотрится очень даже солидно.

В скобках заметим, что и в этом варианте мифотворчества В.Суворов не был первым. Тот же Григоренко еще в 1967 г. написал про то, как «глупый» нарком обороны Тимошенко послушался еще более «глупого» Сталина и двинул днем 22 июня всю артиллерию на запад. Им бы подождать до темноты – а они ее вывели из лагерей и укрытий днем. Вот тут на нее и налетела вражеская авиация. И уничтожила. Всю. Все **шестьдесят тысяч** орудий и минометов. Каждый немецкий бомбардировщик (а их на всем Восточном фронте было девятьсот),

проносясь над землей как мифическая Валькирия из древних скандинавских саг, разом уничтожил по одному советскому артиллерийскому полку. Круто...

Далее, в части 2-й, мы подробно, с карандашом в руках, рассмотрим вопрос о том, что могла, что сделала и чего не могла сделать немецкая авиация. Пока же обратимся к простому здравому смыслу и зададим ему пару простых вопросов.

Почему сами «гитлеровские соколы» ничего не знают о своем величайшем свершении?

По истории люфтваффе написаны горы книг. Есть монографии, посвященные боевому применению отдельных типов самолетов, есть монографические исследования боевого пути чуть ли не каждой авиационной эскадры, и все это – с немецкой дотошностью, с точным указанием заводского номера каждого самолета и воинскими званиями всех членов экипажа. А вот про то, как 22 июня 1941 г. они «разоружили» всю Красную Армию, – ни слова. И даже брехливый доктор Геббельс об этом так ничего никому и не сказал!

С другой стороны, что же наши-то «соколы» ничего подобного не учинили? Нет, разумеется, мы говорим не про июнь 1941-го. У нас же тогда не самолеты были, а «безнадежно устаревшие гробы», и летчики «с налетом 6 часов по коробочке». Но в 43-м, 44-м, 45-м годах, тогда, когда нумерация советских авиаполков подошла к тысяче, когда мы завоевали абсолютное господство в воздухе, – почему же тогда вермахт не был разоружен, оставлен без танков, без артиллерии, без складов за один день одним могучим ударом с воздуха?

И почему в истории английских ВВС нет ничего подобного? И французских, и американских? Американцы бомбили Германию (территория которой меньше территории наших предвоенных Западного или Киевского военных округов) с весны 1943 г. Американцы высыпали на один объект по несколько килотонн бомб за один налет. В день высадки в Нормандии (6 июня 1944 г.) каждую дивизию союзников в среднем поддерживали (по подсчетам известного американского историка Тейлора) 260 боевых самолетов – в 10 раз больше, чем приходилось на одну дивизию вермахта 22 июня 1941 г. И что же – даже десять месяцев спустя, весной 1945 года, вермахт еще воевал, причем воевал отнюдь не бутылками с керосином...

Ну а если серьезно, то вести дискуссию по этому поводу глупо. Каждый выпускник средней школы должен знать, что систему из девяти уравнений с десятью неизвестными можно с чистой совестью не решать. Она просто не имеет решения.

Уничтожить (или, по крайней мере, значительно ослабить) одним упреждающим ударом армию, насчитывавшую к началу войны **198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковую, 31 моторизованную дивизии, 16 воздушно-десантных и 10 противотанковых бригад**, в доядерную эпоху было абсолютно невозможно. Да и с вооружениями XXI века для решения такой задачи потребовалась бы (с учетом рассредоточенности советского военного потенциала на гигантском ТВД) огромная концентрация ракетно-ядерных сил.

В реальности основным средством поражения, которым располагал вермахт летом 1941 года, была артиллерия. Основные калибры: 75, 105, 150, 210 мм. Максимальная дальность стрельбы – от 10 до 20 километров. Именно этими цифрами и определяется возможная в принципе глубина первого удара. Девять десятых советских полков и дивизий находились утром 22 июня вне этой зоны, за 50 -500 -1500 км от границы, и потому ни в первый, ни во второй, ни в третий день войны не могли быть уничтожены даже теоретически.

Стоит отметить и то, что даже бесноватый фюрер не требовал от своей армии такой сверхэффективности. Плановая продолжительность «блицкрига» в России все-таки измерялась месяцами, а не днями, да и разгромить Красную Армию предполагалось «смелым выдвижением танковых клиньев», а вовсе не одним лихим налетом «юнкерсов».

Тем не менее концепция Суворова очень удачно вписалась в ту «матрицу», которая уже была сформирована в сознании его читателей многолетней коммунистической пропагандой.

Да, при всей внешней несовместимости и версия Суворова, и версия Хрущева – Сталина едины в главном: ПРИЧИНУ ВОЕННОЙ КАТАСТРОФЫ ОНИ ИЩУТ СРЕДИ ТАНКОВ И

САМОЛЕТОВ, старательно обходя при этом все, что связано с действиями (или бездействием) танкистов, артиллеристов, летчиков, пулеметчиков и их командиров.

Трудно сказать, был ли «ложный след», по которому Виктор Суворов направил толпы своих последователей, результатом добросовестного заблуждения, или мы все-таки имеем дело с преднамеренной литературной мистификацией. Как бы то ни было, но в последние годы в исторической литературе самое широкое хождение получили обе суворовские легенды: и о «первом обезоруживающем ударе вермахта», и о том, что разгром Красной Армии был обусловлен тем, что войска, которые обучались, вооружались и готовились для ведения наступательных операций, были 22 июня 1941 г. вынуждены перейти к обороне.

Многочисленные «суворовцы» уже успели выстроить целую теорию о том, что армия, готовая наступать, и армия, способная успешно обороняться, – это две разные армии, что бывают, оказывается, какие-то особые «наступательные» танки и самолеты и что только в силу однозначно наступательного характера своих планов и вооружений РККА оказалась неспособна к ведению стратегической обороны.

Абсурдность (если только не преднамеренная анекдотичность) теории про Армию, Умеющую Только Наступать, достаточно очевидна и сама по себе не требует многостраничного опровержения. Совсем не обязательно заканчивать Академию Генерального штаба для того, чтобы понять, что наступление является гораздо более сложным видом боевых действий, нежели оборона. Сложным именно потому, что наступление предъявляет более высокие требования к системе управления и связи, от которых в этом случае требуется гибкое, быстрое, нешаблонное реагирование на динамично развивающуюся обстановку.

Представить себе командование, способное к организации успешного, стремительного наступления, но при этом не умеющее организовать позиционную оборону на собственной, знакомой до каждой тропинки территории, так же невозможно, как невозможно найти виртуозного джазового пианиста, который не может сыграть по нотам «Собачий вальс».

Наконец, так называемая «наступательная» армия, вооруженная лучшими в мире «наступательными» танками, всегда может воспользоваться именно тем способом ведения обороны, который во все века считался наилучшим, – самой перейти в контрнаступление. Тому в истории мы тьму примеров сыщем, но самым ярким, на наш взгляд, является опыт армии обороны Израиля.

Эта армия никогда даже и не пыталась стать в самоубийственную при географических условиях Израиля (минимальная ширина территории в границах резолюции ООН 1947 г. составляет 18 км) позиционную оборону. И в 1967-м, и в 1973 году стратегическая задача обороны страны от многократно превосходящих сил противника была решена переходом в контрнаступление, причем в октябре 1973 г. такой переход пришлось осуществить без всякой оперативной паузы, сразу же после того, как попытки сдержать наступление египетской армии на рубеже Суэцкого канала оказались безуспешными.

Пыталась ли Красная Армия действовать летом 1941 г. подобным образом?

Безусловно – ДА.

Даже официальная историческая наука уже готова признать, что *«фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника»*. (3)

Как всегда ярко и образно, выразил эту же мысль В.Суворов:

«Реакция Красной Армии на германское вторжение – это не реакция ежа, который оцетинился колючками, но реакция огромного крокодила, который, истекая кровью, пытается атаковать».

Точнее и не скажешь.

На Северо-Западном направлении череда контрударов Красной Армии (под Шауляем, Даугавпилсом, Островом, Великими Луками, Старой Руссой) продолжалась с первых дней войны вплоть до середины августа 1941 года.

На главном, западном стратегическом направлении, на линии Минск – Смоленск – Москва, многократные, практически безостановочные попытки перейти в решительное контрнаступление продолжались все лето, до 10 сентября, когда наконец войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по приказу Ставки перешли к обороне.

Подробный разбор всех этих наступательных операций выходит за рамки данной книги.

С другой стороны, конечный результат этих контрударов должен быть известен даже добросовестному школьнику. Ничего, кроме потери сотен кадровых дивизий, десятков тысяч танков и самолетов, все эти попытки перейти в наступление не принесли. Красная Армия оказалась неспособна к наступлению точно так же, как она оказалась неспособна к созданию устойчивой позиционной обороны на таких мощнейших естественных рубежах, какими являются реки Неман, Днепр, Днестр, Южный Буг, Западная Двина.

На этой констатации всю дискуссию с «суворовцами», в принципе, можно закончить, даже не начиная. И тем не менее кропотливый и детальный анализ первых контрударов Красной Армии может подвести нас как к важным выводам о подлинных причинах ее разгрома. Вот почему автор решил построить книгу на тщательном разборе **трех наступательных операций**, причем именно тех, по поводу которых можно, не погрешив против истины, сказать, что это были наиболее мощные и наиболее обеспеченные боевой техникой и кадровым командным составом контрудары Красной Армии.

Сенсаций не будет

«Служенье муз не терпит суеты». Тем более не терпит суетливой поспешности военная история. Читателю стоит набраться терпения. Быстрых ответов на сложнейшие вопросы не будет. Не будет и столь популярных в последние годы «сенсационных документов», потрясающих «откровений» бывших сталинских холуев и прочей бульварщины.

Впереди у нас сотни страниц сложного, перенасыщенного цифрами, датами, номерами дивизий и калибрами танковых пушек текста. Раз за разом будем мы останавливаться перед каждым «общеизвестным», «само собой разумеющимся», ставшим привычным, как растоптанные тапочки, утверждением для того, чтобы узнать – а что же на самом деле скрывается за этими устоявшимися мифами?

Часть 1 ЗАТЕРЯННАЯ ВОЙНА

Вторник, 17 июня

В том году день 17 июня пришелся на вторник. Обычный летний рабочий день. Заголовки центральных газет дышали безмятежностью, весьма близкой к скуке. Передовица в «Известиях» под названием: «О колхозном ширпотребе и местной инициативе». Далее идут статьи «Итоги реализации нового займа» и «Профсоюзно-комсомольский кросс начался». Некоторое оживление обнаруживалось только на последней странице. Там, где был опубликован страстный призыв Главконсерва: «Возвращайте порожние стеклянные банки и бутылки!»

На фоне этой мирной благодати особенно контрастно выглядели заголовки второй полосы номера, посвященной событиям заграничной жизни: «Война в Европе», «Война в Сирии» (уважаемый читатель, вы помните – кто и с кем воевал в Сирии в июне 1941 года?), «Война в Африке», «Бомбардировки Кипра и Гибралтара», «Военные мероприятия Соединенных Штатов». Каждый читатель «Известий» мог, таким образом, наглядно оценить плоды мудрой, неизменно миролюбивой внешней политики Советского Союза.

И только несколько десятков человек во всей огромной стране знали, что первый из большой серии могучих сталинских ударов, запланированных на лето 1941 года, уже начался. В тот самый день 17 июня, когда командир 1-го механизированного корпуса генерал-майор Чернявский получил от начальника штаба Ленинградского военного округа генерал-майора Никишева приказ поднять по боевой тревоге 1-ю танковую дивизию.

Кстати, автор совсем не уверен в том, что он правильно указал название штаба, которым 17 июня 1941 года руководил генерал-майор Никишев. Был ли это все еще штаб Ленинградского военного округа или уже штаб Северного фронта? Правильный ответ на этот вопрос имеет огромное диагностическое значение.

Фронты в Советском Союзе никогда не создавались в мирное время (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить только примером «исключения, подтверждающего правило» – , граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). Развертывание фронтов у западных границ СССР всегда предшествовало скорому началу боевых действий.

11 сентября 1939 г. на базе Белорусского и Киевского особых военных округов были сформированы два фронта – Белорусский и Украинский. Через шесть дней началось вторжение в Польшу, закончившееся в конце сентября 1939 г. «воссоединением» с Советским Союзом 51 % территории довоенной Польши. (В скобках заметим, что между Польшей и СССР в 1932 г. был заключен Договор о ненападении, и с этого момента Советский Союз никогда не оспаривал законность и «справедливость» восточных границ Польши.)

Война закончилась – и 14 ноября приказом наркома обороны № 0177 фронты были вновь преобразованы в военные округа с прежними названиями. (1, стр. 328)

9 июня 1940 г. на базе управления Киевского округа был создан Южный фронт, в состав которого были включены части и соединения как Киевского, так и Одесского округов. Через девятнадцать дней, в 100 28 июня войска Южного фронта перешли границу с Румынией и к исходу дня 1 июля 1940 г. заняли всю Бессарабию и Северную Буковину. После чего 10 июля 1940 г. Южный фронт был расформирован. (1, стр. 218)

А вот Финляндию товарищ Сталин сначала оценил гораздо ниже Польши или Румынии, поэтому к началу первой советско-финской войны (30 ноября 1939 г.) фронтов не создавал.

А кто же из нас не ошибался? Но как только выяснилось, что «сокрушительный удар по финляндской козьявке» (именно таким слогом изъяснялась в номере от 1 декабря 1939 года газета с хорошим названием «Правда») затягивается на неопределенный срок, ошибку быстро исправили.

7 января 1940 г. действующие на Карельском перешейке войска были объединены в **Северо-Западный фронт**. После трехнедельной передышки и значительного наращивания сил 1 февраля 1940 г. войска фронта перешли в решительное наступление, завершившееся прорывом «линии Манергейма» и штурмом Выборга. Затем, после того как 12 марта в Москве был подписан мирный договор, Северо-Западный фронт был расформирован (приказ наркома обороны № 0013 от 26 марта 1940 г.).

Доподлинно известно, что летом 1941 года три – фронта Северо-Западный, Западный и Юго-Западный были развернуты ДО ТОГО, как началось вторжение гитлеровских войск на советскую территорию, вторжение, в реальность которого товарищ Сталин не сразу поверил даже тогда, когда оно фактически началось.

Уже 19 июня 1941 года нарком обороны СССР маршал Тимошенко отдал приказ № 0042 о выведении к 22–23 июня штабов этих трех фронтов на полевые командные пункты (соответственно в Паневежисе, станции Обус-Лесна и в Тарнополе), причем строительство самих полевых КП началось по приказу Тимошенко от 27 мая 41 г. (2, стр.180; 1, стр. 330).

Примечательно, что уже 19 июня понятия «фронт» и «округ» в этих документах совершенно четко разделялись. Так, в шифротелеграмме, которую Г.К.Жуков отправил 19 июня 1941 г. командующему войсками Юго-Западного фронта, указывалось:

«Народный комиссар обороны приказал: к 22.06 1941 г. управлению выйти в Тарнополь, оставив в Киеве подчиненное Вам управление округа... Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне...» (выделено автором).

Текст этой телеграммы был приведен в в самом что ни на есть официальном труде отечественных военных историков: монографии «1941 год – уроки и выводы», выпущенной в 1992 году Генеральным штабом тогда еще Объединенных вооруженных сил СНГ. (3) Впрочем, еще в старые советские времена в прошедшей все виды цензуры книге воспоминаний маршала Баграмяна (перед войной – заместителя начальника штаба Киевского округа) сообщалось, что на командный пункт в Тарнополь они выехали 21 июня, имея приказ прибыть на место назначения к утру 22 июня. (110)

Полностью оценить эту сенсационную информацию стало возможно только после того, как в 1996 году «Военно-исторический журнал» (печатный орган Министерства обороны) опубликовал ранее совершенно секретные (с грифом «Особой важности», выполненные в двух экземплярах каждый) планы действий войск западных округов по прикрытию мобилизации и оперативного развертывания Красной Армии. (ВИЖ, № 2, 3, 4, 5, 6.1996,)

Так вот, в этих документах **выведение штабов на командные пункты в Паневежисе, Обус-Лесна и Тарнополе планировалось провести в день М-3, т. е. на третий день мобилизации**. Из чего следует, что В.Суворов не только не переоценил, а скорее всего недооценил намерения и настойчивость товарища Сталина. Есть серьезные основания предположить, что полномасштабное оперативное развертывание Красной Армии для вторжения в Европу фактически началось **19 или 20 июня 1941 г.**

В исторической и мемуарной литературе рассыпано множество упоминаний о весьма примечательных событиях, произошедших в эти дни.

19 июня в авиационные части Прибалтийского Особого военного округа (ПрибОВО) поступил приказ о переходе в состояние повышенной боевой готовности и рассредоточении самолетов по оперативным аэродромам (2, стр. 175). 18 июня начштаба ПрибОВО генерал-лейтенант Кленов отдал следующее распоряжение: «... частям зоны ПВО и средствам ПВО войсковых соединений принять готовность № 2... части ПВО, находящиеся в лагерях, немедленно

вернуть в пункты постоянной дислокации... срок готовности – к 18–00 19 июня» (ВИЖ, 5/89).

19 июня штаб ВВС Западного фронта по указанию командующего фронтом генерала армии Д.Г.Павлова был выделен из состава штаба ВВС Западного Особого военного округа (ЗапОВО) и направлен из Минска на запад, в район Слонима. (4)

Контр-адмирал А.Г.Головко, в те дни командующий Северным флотом, в своей книге воспоминаний «Вместе с флотом» пишет, что именно **19 июня** им была получена «*директива от Главного морского штаба – готовить к выходу в море подводные лодки.*»

20 июня командующий Краснознаменного Балтфлота вице-адмирал Трибуц доложил о том, что «*части флота с 19.6.41 приведены в боевую готовность по плану № 2*» (ВИЖ, 5/89). Жаль только, что даже в 1989 году «Военно-исторический журнал» не дал никаких пояснений по поводу того, что это за «план № 2»...

Генерал-полковник П.П.Полубояров, бывший перед войной начальником автобронетанкового управления войск ПриОВО, пишет, что «*16 июня 1941 г. командование 12-го МК (механизированного корпуса) получило директиву о приведении соединений в боевую готовность...* **18 июня** командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано...

16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й МК, который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе». (ВИЖ, 5/89)

18 июня командующий 8-й армией генерал-майор Собенников получил приказ командующего войсками ПриОВО о выводе войск армии на указанные им участки прикрытия государственной границы. На следующий день, **19 июня**, вышла директива штаба ПриОВО, в которой, в частности, говорилось:

«...минные поля установить по плану оборонительного строительства, обратив внимание на полную секретность для противника...» (ВИЖ, 5/89).

Кстати, о минах. Главный советский историк начального периода войны, академик, доктор и профессор В.А. Анфилов в своей последней по счету книжке горестно вздыхает:

«...у нас не было налажено производство противотанковых мин. К 22 июня во всех приграничных округах имелось всего лишь (подчеркнуто мной. – М.С.) 494 тысячи противотанковых мин...» (40, стр.218)

Забота о «полной секретности для противника» дошла до того, что даже начальник управления политпропаганды ПриОВО товарищ Рябчий вечером 21 июня распорядился:

«...отделам политпропаганды корпусов и дивизий письменных директив в части не давать, задачи политработы ставить устно через своих представителей...» (61).

Конспирация, конспирация и еще раз конспирация... Неужто нельзя было доверить бумаге такие задачи, как «быть готовыми защитить мирный созидательный труд советских людей», «земли чужой мы не хотим ни пяди»?

Генерал-майор С. Иовлев (в те дни – командир героической 64-й стрелковой дивизии) в своих воспоминаниях пишет:

«...части 64-й стрелковой дивизии в начале лета 1941 г. стояли в лагерях в Дорогобуже... 15 июня 41 года командующий Западным Особым военным округом генерал армии Д. Г. Павлов приказал дивизиям нашего корпуса подготовиться к передислокации в полном составе. Погрузку требовалось начать 18 июня. Станция назначения нам не сообщалась, о ней знали только органы военных сообщений...» (ВИЖ, № 9/1960).

Да, конечно, советские нормы секретности сильно отличались от общечеловеческих. Но чтобы командир дивизии в генеральском звании, как зэк на пересылке, не знал, куда везут его и вверенные ему полки «в полном составе»?

Полковник Новичков, бывший в начале войны начальником штаба 62-й стрелковой дивизии 5-й армии КОВО, сообщает, что «*части дивизии выступили из лагеря в Киверцы (около 80 км от границы. – М.С.) и, совершив два ночных перехода, к утру 19 июня* вышли в полосу обороны, однако оборонительный рубеж не заняли, а сосредоточились в лесах вблизи него» (ВИЖ, 5/89).

Странно все это. Очень странно. Почему ночью? Местность на Волыни лесисто-болотистая, в ночной темноте легко и пушку в болоте утопить, и людей без толку намочить. Да и ночи в июне самые короткие, далеко за 5–6 часов не уйдешь. И зачем тогда строили бетонные доты на новой границе, деньги народные два года в землю зарывали, если после выхода к границе 62-я дивизия «*оборонительный рубеж не заняла*», а зачем-то спряталась в лесу?

Ходят слухи (размножающиеся делением в бумажных трудах советских историков), что Сталин изо всех сил старался «оттянуть» нападение Гитлера на Советский Союз. Так ведь для того, чтобы «оттянуть» получше, надо было не прятать дивизии по лесам, не бродить по болотам в ночь глухую, а ярким солнечным июньским днем вызвать в Киверцы фотокорреспондентов центральных газет и приказать им снять марширующие колонны, да еще и под таким ракурсом, чтобы казались они на снимках несметным воинством. И на первую газетную полосу – под общей рубрикой «Граница на замке». И при постановке минных полей заботиться надо было бы не о «*полной секретности для противника*», а о том, чтобы сам факт минирования в тот же день стал известен всей немецкой агентуре.

«*Имея дело с опасным врагом, следует, наверное, показывать ему прежде всего свою готовность к отпору. Если бы мы продемонстрировали Гитлеру нашу подлинную мощь, он, возможно, воздержался бы от войны с СССР в тот момент*», – пишет в своих мемуарах (45) генерал армии С.П. Иванов, многоопытный штабист, один из главных отечественных историков начального периода войны. Именно так, как советует профессионал столь высокого уровня, и надо было бы действовать.

Если Сталин думал о том, как «оттянуть», а не о том, **как бы не спугнуть...**

Да, много странных событий происходило в те дни, когда газеты писали про ширпотреб и стеклотару, но мы вернемся к тому вопросу, с которого и начали эту главу, – когда же был сформирован Северный фронт?

Указанная в большинстве книжек дата 24 июня 1941 г. является явной дезинформацией. Вечером 22 июня нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА Жуков в тексте своей известной Директивы № 3 (мы еще не один раз вернемся к обсуждению этого важнейшего документа) в пункте 3-а ставят задачи «*армиям Северного фронта*». (5, стр. 353)

Но не могли же они (и готовившие эту директиву многоопытные штабисты Ватутин и Василевский) отдавать приказы пустому месту!

Накануне, в субботу 21 июня, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было решено «*поручить т. Мерецкову общее руководство Северным фронтом*», а также принято решение о назначении членом Военного совета **Северного фронта** секретаря Ленинградского горкома товарища Кузнецова. (6, с. 358)

Точная дата и номер документа об образовании Северного фронта автору неизвестны.

Точно так же у автора нет и документального подтверждения (кроме опубликованных еще в 1987 г. воспоминаний командира 1-й танковой дивизии В.И. Баранова) того важнейшего обстоятельства, что в приказе, который 17 июня получил командир 1-го мехкорпуса, были использованы слова «боевой», «боевая тревога» и т.п. Зато доподлинно известно, как этот приказ был выполнен.

В соответствии с приказом предстояло погрузить в железнодорожные эшелоны и отправить в район новой дислокации 1-ю танковую дивизию. А в дивизии числилось: 370 танков, 53 пушечных броневых автомобиля, сотни орудий и минометов (в том числе новейшие, на тот момент – лучшие в мире 152-мм пушки-гаубицы МЛ-20 весом по семь тонн каждая), сотни гусеничных тягачей, полторы тысячи автомобилей разного назначения. А также тысячи людей, сотни тонн горючего и боеприпасов. (7, 8)

Трудно сказать, сколько времени заняла бы такая масштабная работа в наше время. Надо полагать, только на составление «комплексного плана погрузки» ушла бы неделя. Но неслучайно 1-я танковая была уже краснознаменной, а на груди ее нового командира – участника войны в Испании и Финляндии генерала В.И. Баранова – сияла золотая звезда Героя Советского Союза. Ветеранами боев в Испании и финской войны были и командиры танковых полков дивизии: Герой Советского Союза полковник Д.Д. Погодин и майор П.С. Житнев. Невероятно, но факт – в ночь на 19 июня последние эшелоны 1-й танковой ушли со станции Березки (северо-западнее Пскова).

Слово «элитный» было в те времена не в ходу, но именно оно как нельзя лучше подходит к описанию 1-й танковой дивизии, да и всего 1-го мехкорпуса в целом. Корпус был сформирован летом 1940 года на базе танковых бригад, отличившихся во время финской войны: 13-й краснознаменной, 20-й краснознаменной тяжелой танковой им. С.М.Кирова и 1-й легкотанковой. Управление корпуса было сформировано на базе управления 20-й краснознаменной танковой бригады – именно это соединение в феврале 1940 г. прорывало «линию Маннергейма» на самом страшном ее участке – в районе «высоты 65,5», проложив дорогу наступающей советской пехоте через 45 (сорок пять) рядов заминированных проволочных заграждений. (8)

Указом Президиума Верховного Совета СССР в апреле 1940 года 20-я танковая бригада была награждена орденом Боевого Красного Знамени, 613 человек получили ордена и медали, 21 танкист был удостоен звания Героя Советского Союза. Столь же велики были и заслуги 13-й краснознаменной бригады, за успешное руководство которой комбриг В.И. Баранов был 21 марта 1940 г. удостоен звания Героя Советского Союза. (8)

Однозначно преступный и подлый характер той войны отнюдь не умаляет значение уникального опыта прорыва укрепленной оборонительной полосы в тяжелейших природных условиях, который приобрели на Карельском перешейке советские танкисты. А было их (танкистов) там совсем немало – уже к началу боевых действий группировка советских войск насчитывала 2289 танков, и в дальнейшем это число непрерывно росло. (1, стр. 153)

Наглядной иллюстрацией богатого боевого опыта советских танкистов могла служить картина того, как 1-я танковая покинула место своей постоянной дислокации в поселке Струги Красные под Псковом.

Генерал-полковник И.М. Голушко (в те дни – только что окончивший Киевское танковое училище лейтенант) описывает в своих мемуарах, что он увидел, приехав в бывший лагерь 1-й танковой дивизии:

«...кроме старшины, представившегося начальником танкового парка, здесь никого уже не было... Оставшиеся танки – 20 единиц БТ-5 и БТ-7 – считались на консервации. Осмотрел я их и только ахнул: одни без коробок передач, другие без аккумуляторов, у некоторых сняты пулеметы...

На вопрос, что все это значит, старшина ответил, что полк, поднятый по тревоге (подчеркнуто мной. – М.С.), забрал все, что можно было поставить на ход...» (9).

Вот это и называется – на войне как на войне. По понятиям мирного времени двадцать брошенных, разукомплектованных танков – это преступление. Но командование 1-го мехкорпуса уже 17 июня 1941 г. знало что мирное время для него и для вверенных ему дивизий закончилось. А это значит, что надо вырываться из тесной «ловушки» давно разведанного против-

ником лагеря, не теряя ни одной лишней минуты. А все неисправные танки ободрать как липку на запчасти для тех, что пойдут в бой. Для порядка и присмотра оставили при них бравого старшину – и вперед!

Кстати, а куда это – «вперед»? **Куда 17 июня 1941 года двинулась первая и по номеру, и по уровню подготовки танковая дивизия Красной Армии?**

Даже правила строжайшей советской сверхсекретности не могли скрыть от бойцов и командиров 1-й тд тот удивительный факт, что солнце вставало справа по ходу движения эшелонов, а садилось – слева. Другими словами, поезда мчались куда угодно, но только не к западной границе. Холмы и перелески Псковщины сначала сменились вековым сосновым лесом, а затем лес стал редеть, все чаще разрываясь озерами, болотами, а то и вовсе безлюдной каменистой пустошью.

Утром 22 июня головные эшелоны лязгнули в последний раз тормозами и замерли. Конечная остановка. Поезд дальше не идет. Некуда идти – рельсовый путь обрывается в заповедной тундре. Приехали: станция Алакуртти Кировской железной дороги. Мы в Лапландии – стране Санта-Клауса.

260 километров до Мурманска, 60 километров до финской границы, полторы тысячи верст до ближайшей точки фронта начавшейся в тот день войны с Германией.

«Сотрясая землю грохотом танковых колонн...»

«Но близок час освобождения и расплаты! Красная Армия идет, сотрясая землю грохотом танковых колонн, закрывая небо крыльями своих самолетов...»

Сразу же оговоримся – эти слова живой классик советской литературы А.Н.Толстой изрек совсем в другое время и по другому поводу. В тот день (18 сентября 1939 г.) не подлежащее обжалованию «освобождение» с лязгом и грохотом надвигалось на Восточную Польшу. А ранним утром 23 июня 1941 года огромные многокилометровые колонны танков, артиллерийских гусеничных тягачей и автомашин 1-го и 10-го мехкорпусов двинулись совсем в другом направлении.

Здесь, пожалуй, настало время прервать изложение событий июня 1941 г. для того, чтобы пояснить читателю – что же обозначают эти слова: «механизированный корпус»?

Вторая мировая война в значительной степени может быть названа танковой войной. Именно мощные, оперативносамостоятельные танковые соединения стали в ту эпоху главным инструментом в проведении крупных наступательных операций. В вермахте летом 1941 г. они назывались «танковая группа», в Красной Армии – «механизированный корпус». И коль скоро мы взялись за выяснение реальных наступательных возможностей РККА образца 1941 г., то нам никак не обойтись без того, чтобы познакомиться с советским мехкорпусом поближе.

Механизированные корпуса Красной Армии имели единую структуру, утвержденную последний раз в феврале 1941 года. В состав мехкорпуса входили:

- две танковые дивизии;
- одна моторизованная дивизия;
- отдельный мотоциклетный полк;
- многочисленные спецподразделения (отдельный батальон связи, отдельный мотоинженерный батальон, корпусная авиаэскадрилья и т.д.).

В свою очередь, каждая дивизия имела в своем составе четыре полка. В танковой дивизии было два танковых полка, мотострелковый полк и механизированный гаубичный артиллерийский полк.

В моторизованной дивизии было два мотострелковых полка, танковый полк, оснащенный легкими танками, и пушечный артиллерийский полк. Кроме того, в каждой дивизии были свой батальон связи, разведывательный батальон, понтонно-мостовой батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, многочисленные инженерные службы. В составе моторизованной дивизии (на случай встречи с танками противника) был и свой отдельный истребительно-противотанковый дивизион.

Как видно, разрабатывая именно такую структуру, советское командование стремилось к тому, чтобы и каждая дивизия, и весь корпус в целом обладали максимальной оперативной самостоятельностью. В руках командира корпуса должен был быть и свой танковый таран – четыре танковых полка танковых дивизий, вооруженные главным образом средними и тяжелыми танками, и своя собственная артиллерийская группа – три артполка на механической (тракторной) тяге, способная взломать на участке прорыва оборону противника, и своя механизированная «конная лава» – четыре мотострелковых полка, полк легких танков, мотоциклетный полк, и собственные средства противовоздушной обороны, связи, разведки. Даже собственная разведывательная авиация – корпусная авиаэскадрилья, на вооружении которой было 15 самолетов У-2 и Р-5 (У-2, как известно, взлетали и садились на любой лесной поляне, и уничтожить их «внезапным ударом по аэродромам утром 22 июня» было невозможно в принципе). Один только В. Суворов знает, как можно выбить глаз такому «циклопу»...

Основу вооружения мехкорпуса составляли **1031 танк**. Распределялись они следующим образом: в моторизованной дивизии по штату должно было быть 264 легких скоростных танков БТ-7, каждой из двух танковых дивизий полагалось 63 тяжелых танка КВ, 210 средних Т-34, 26 БТ и 76 легких (в том числе и огнеметных) танков Т-26. Всего 375 танков. Кроме того, на вооружении разведывательных подразделений корпуса было 17 плавающих танкеток Т37 и Т38.

Кроме того, на вооружении мехкорпуса был и такой (отсутствующий в вермахте) тип бронетехники, как колесные пушечные бронеавтомобили: 49 в моторизованной дивизии, по 95 в каждой из двух танковых дивизий, 29 в разведбатах, всего **268 бронеавтомобилей** БА10 и БА20. Вооружены эти бронемшины были 45-мм пушкой 20К, т. е. по мощности вооружения превосходили немецкие танки Pz-I, Pz-II, Pz-38(t), составлявшие в общей сложности 56 % парка танковых групп вермахта.

В феврале 1941 г. было принято решение сформировать **ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ** таких мехкорпусов, что означало развертывание танковых войск численностью в тридцать тысяч танков: в два раза больше, чем в армиях Германии, Англии, Италии и США, вместе взятых.

В вермахте в это время готовились сформировать для вторжения в Советский Союз **ЧЕТЫРЕ** танковые группы. Немецкая танковая группа не имела ни стандартного состава, ни определенной штатной численности танков.

Так, самая слабая, 4-я танковая группа Гёпнера имела в своем составе три танковые (1-я, 6-я и 8-я) и три моторизованные дивизии, всего 602 танка.

Самая крупная, 2-я танковая группа Гудериана включала в себя пять танковых (3-я, 4-я, 10-я, 17-я, 18-я), три моторизованные, одну кавалерийскую дивизии и отдельный моторизованный полк «Великая Германия», имея на вооружении 994 танка.

Всего в составе четырех танковых групп 22 июня 1941 г. числилось **3266 танков**, т. е. в среднем **по 817 танков** в каждой группе. (10, 11)

Правды ради надо отметить, что, уступая советскому мехкорпусу в количестве танков, танковая группа вермахта значительно (в 2–3 раза) превосходила его по численности личного состава. Так, при полной укомплектованности танковая группа Гудериана должна была насчитывать более 110 тыс. человек личного состава, в то время как штатная численность мехкорпуса РККА составляла всего 36 080 человек.

Это кажущееся противоречие имеет простое объяснение. Готовясь к войне с СССР, Гитлер распорядился в два раза увеличить число танковых дивизий, с 10 до 20. Сделано это было методом простого деления, путем сокращения числа танковых полков в дивизии с двух до одного. В результате в немецкой танковой дивизии на один танковый полк приходилось два пехотных, причем основная масса этой пехоты передвигалась вовсе не на бронетранспортерах (как в старом советском кино), а на разномастных трофейных грузовиках. Начальник штаба сухопутных сил вермахта Гальдер в своем знаменитом дневнике отмечает (запись от 22 мая 1941 г.), что у Гудериана в 17 тд насчитывается 240 разных типов автомашин. (12) Как обслуживать в полевых условиях такой передвижной музей автотехники?

В моторизованной дивизии вермахта танков не было. Ни одного. Г. Гот пишет, что моторизованные дивизии его танковой группы были созданы на базе обычных пехотных дивизий, а машины получили *«только в последние месяцы перед началом войны, а 18-я дивизия – за несколько дней до выхода в район сосредоточения»*. (13)

Фактически танковая группа вермахта представляла собой крупное соединение мотопехоты, усиленной несколькими (от 3 до 5) танковыми полками. Продолжая линию «зоологических» сравнений, начатую в свое время В. Суворовым, можно сказать, что танковая группа вермахта была могучим и тяжелым буйволом, а мехкорпус Красной Армии – гибким и стремительным леопардом.

В живой природе исход схватки четырех буйволов с двумя дюжинами леопардов был бы предreshен. Не сомневалось в возможностях своих «леопардов» и высшее командование РККА, строившее самые смелые планы Великого Похода.

«...Танковые корпуса, поддержанные массовой авиацией, врываются в оборонительную полосу противника, ломают его систему ПТО, бьют попутно артиллерию и идут в оперативную глубину... Особенно эффективным будет использование мехкорпусов концентрически, когда своим сокрушающим ударом эти мехкорпуса сведут клещи для последующего удара по противнику... При таких действиях мы считаем, что пара танковых корпусов в направлении главного удара должна будет нанести уничтожающий удар в течение пары часов и охватить всю тактическую глубину порядка 30–35 км. Это требует массированного применения танков и авиации; и это при новых типах танков возможно» – так, с чувством законной гордости, докладывал начальник Главного автобронетанкового управления РККА генерал армии Павлов на известном совещании высшего комсостава Красной Армии в декабре 1940 г.

«...Темп дальнейшего наступления после преодоления тактической глубины будет больше и дойдет до 15 км в час... Мы считаем, что глубина выхода в тыл противника на 60 км – не предел. Надо всегда за счет ускорения и организованности иметь в виду сразу же в первый день преодолеть вторую полосу сопротивления и выйти на всю оперативную глубину...» (14)

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... К несчастью, даже у Гитлера, хотя и считался он «бесноватым ефрейтором», хватило ума не ждать, а напасть самому. Напасть раньше, чем Сталин укомплектует до последней гайки все свои двадцать девять мехкорпусов. В результате воевать пришлось отнюдь не таким мехкорпусам, какие описаны выше.

Полностью укомплектовать до штатной численности все 29 мехкорпусов к июню 41-года не удалось. Об этом – как о ярчайшем и убедительнейшем доказательстве нашей «неготовности к войне» – всегда талдычили историки из ведомства спецпропаганды, забывая пояснить читателям, к какой же именно войне готовилась (да только не успела приготовиться) «неизменно миролюбивая» сталинская империя, создававшая бронированную орду, число орудий в которой должно было превысить число сабель в войске хана Батия.

«Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности, – горько сетует в своих мемуарах Великий Маршал Победы, – для полного укомплектования мехкорпусов требовалось 16 600 танков только новых типов... такого количества танков в течение одного года практически при любых условиях взять было неоткуда» (15).

Ну как же мог бывший начальник Генерального штаба забыть утвержденную им самим 22 февраля 1941 г. программу развертывания мехкорпусов?

Все мехкорпуса были разделены на 19 «боевых», 7 «сокращенных» и 4 «сокращенных второй очереди». Всего к концу 1941 г. планировалось иметь в составе мехкорпусов и двух отдельных танковых дивизий 18 804 танка, в том числе – 16 655 танков в «боевых» мехкорпусах. (16, стр. 677)

Другими словами, среднее количество танков (877) в 19-ти «боевых» мехкорпусах должно было равняться среднему числу танков в каждой из 4-х танковых групп вермахта.

С точки зрения количественных показателей эта программа успешно выполнялась. Уже к 22 февраля 1941 года в составе мехкорпусов числилось 14 684 танка. Запланированный до конца года прирост численности на 4120 единиц был значительно меньше реального производства, составившего в 1941 году **6590 танков** (в том числе 1358 KB и 3014 Т-34) (1, стр. 598).

Для сравнения отметим, что немцы (на которых якобы «работала вся Европа») в 1941 году произвели только **3094** танка всех типов, включая 678 легких чешских Pz 38(t).

В следующем, 1942 г. танковая промышленность СССР произвела уже 24 718 танков, в том числе 2553 тяжелых КВ и 12 527 средних Т-34 (1, стр.598). Итого: 3911 КВ и 15541 Т-34 за два года.

Причем этот объем производства был обеспечен в таких условиях, которые в феврале 1941 г. Жуков со Сталиным могли увидеть только в кошмарном сне: два важнейших предприятия (крупнейший в мире танковый завод № 183 и единственный в стране производитель танковых дизелей завод № 75) пришлось под бомбами перевозить из Харькова на Урал, а два огромных ленинградских завода (№ 185 им. Кирова и № 174 им. Ворошилова) оказались в кольце блокады. Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что в нормальных условиях советская промышленность тем более смогла бы обеспечить к концу 1942 г. (как это было запланировано) полное укомплектование и перевооружение новыми танками всех 29 мехкорпусов, для оснащения которых требовалось «всего» 3654 танка КВ и 12 180 танков Т-3

Покончив со спорами и прогнозами, перейдем к оценке того, что было в натуре. К началу боевых действий в составе 20 мехкорпусов, развернутых в пяти западных приграничных округах, числилось **11 029** танков (3). Еще **более двух тысяч** танков было в составе трех мехкорпусов (5-го, 7-го, 21-го) и отдельной 57-й тд, которые уже в первые две недели войны были введены в бой под Шепетовкой, Лепелем и Даугавпилсом. Таким образом, Жукову и иже с ним пришлось начинать войну, довольствуясь всего лишь **ЧЕТЫРЕХКРАТНЫМ** численным превосходством в танках. Это если считать сверхскромно, т. е. не принимая во внимание танки, находившиеся на вооружении кавалерийских дивизий и войск внутренних округов. Всего же, по состоянию на 1 июня 1941 г., в Красной Армии было **19 540 танков** (опять же не считая легкие плавающие Т37, Т38, Т40 и танкетки Т-27), не считая **5197** пушечных бронеавтомобилей. (1, стр. 601)

Распределены имевшиеся в наличии танки по мехкорпусам были крайне неравномерно. Были корпуса (1-й, 5-й, 6-й), укомплектованные практически полностью, были корпуса (17-й, 20-й), в которых не набиралось и сотни танков. Столь же разнородным был и состав танкового парка. В большей части мехкорпусов новых танков (Т-34, КВ) не было вовсе, некоторые (10-й, 19-й, 18-й) были вооружены крайне изношенными БТ-2 и БТ-5, выпуска 1932–1934 гг., или даже легкими танкетками Т-37 и Т-38. И в то же самое время были мехкорпуса, оснащенные сотнями новейших танков.

На первый взгляд понять внутреннюю логику такого формирования трудно. По крайней мере, никакой связи между порядковым номером и степенью укомплектованности не обнаруживается. Так, 9-й мехкорпус Рокоссовского, формирование которого началось еще в 1940 г., имел на вооружении всего 316 (по другим данным – 285) танков, а развернутый весной 1941 г. 22-й мехкорпус к началу войны имел уже 712 танков. (3)

Но стоит только нанести на карту приграничных районов СССР **места дислокации** мехкорпусов, как замысел предстоящей «Грозы» откроется нам во всем своем блеске.

Семь самых мощных, превосходящих по числу и (или) качеству танков любую танковую группу вермахта мехкорпусов Красной Армии были расположены накануне войны следующим, очень логичным образом.

Главный удар должны были наносить войска Юго-Западного фронта на Краков – Катовице. Вот почему на самой вершине «львовского выступа» развернулись три мехкорпуса (4-й, 8-й, 15-й), насчитывающие 2627 танков, в том числе 721 КВ и Т-3. Всего же в составе войск Юго-Западного фронта было восемь (!!!) мехкорпусов.

Вспомогательный удар на Люблин и Варшаву должны были нанести войска левого крыла Западного фронта – и в лесах у Белостока, рядом с лентой Варшавского шоссе, мы находим 6-й мехкорпус (1131 танк, в том числе 452 новых КВ и Т-34). И еще три других мехкорпуса затаились в глухих местах тесного «белостокского выступа».

Во второй эшелон Юго-Западного и Западного фронтов, в район Шепетовки и Орши, выдвигались другие два «богатыря» – 5МК (1070 танков) и 7МК (959 танков).

Перед войсками Южного (Одесский округ) и Северо-Западного (Прибалтийский округ) фронтов ставились гораздо более скромные задачи: прочно прикрыть фланги ударных группировок и не допустить вторжения противника на территорию округов. Вот почему в их составе мы находим всего по два корпуса, укомплектованные наполовину от штата, причем старыми танками.

Все просто, ясно и совершенно логично. Некоторой загадкой выглядит только местоположение именно того мехкорпуса, с рассказа о котором мы и начали эту часть книги.

«И пошел, командою взметен...»

Первый по номеру, «возрасту» и укомплектованности мехкорпус перед войной находился в составе Северного фронта (Ленинградского округа). Почему и зачем? Хотя Ленинградский округ и входит традиционно в перечень «западных приграничных округов СССР» – какая же это «западная граница»? С запада округ граничил с советской Прибалтикой, а до границ Восточной Пруссии от Ленинграда аж 720 км. Приграничным же Ленинградский округ был только по отношению к четырехмиллионной Финляндии.

Ленинградский военный округ превращался во фронт с названием «Северный». На первый взгляд и это довольно странно – логичнее было бы его назвать «ленинградским», «балтийским», на худой конец – «карельским». Но в империи Сталина случайности случались крайне редко.

«В середине июня 1941 г. группа руководящих работников округа, возглавляемая командующим округа генерал-лейтенантом М.М. Поповым, отправилась в полевую поездку под Мурманск и Кандалакшу», – вспоминает один из участников этой поездки, главный маршал авиации (в те дни – командующий ВВС округа) А.А. Новиков (39). Мурманск – это не просто север, это уже заполярный север. Далее товарищ маршал с чувством глубокого возмущения описывает, как Попов и другие советские генералы наблюдают за столбами пыли, которые подняли над лесными дорогами выдвигающиеся к границе финские войска. Другими словами, «полевая поездка» командования округа (фронта) проходила в непосредственной близости от финской границы. Разглядывание «лесных дорог» на сопредельной территории (на военном языке это называется «рекогносцировка») так увлекло командующего, что в Ленинград генерал-лейтенант Попов вернулся только 23 июня, и весь первый день советско-германской войны фронтом округом командовал прибывший из Москвы в качестве представителя Ставки К.А. Мерецков (18).

Конечно, можно предположить, что поездка генерала Попова в Мурманск была связана с подготовкой войск округа к отражению будущего гитлеровского вторжения. Увы, это не так. Наступления немцев в Заполярье никто не ожидал. О чем весьма красноречиво свидетельствуют воспоминания подполковника Х. Райзена, командира бомбардировочной группы II/KG30, о первом налете на Мурманск 22 июня 1941 года:

«... мы не встретили ни истребительного, ни зенитного противодействия. Даже самолеты, осуществлявшие штурмовку на малой высоте, не были обстреляны... вражеской авиации буквально не существовало, немецкие машины действовали над советской территорией совершенно без помех...» (19).

Да и странная какая-то хронология событий получается: генерал Попов до начала боевых действий уезжает в Мурманск, чтобы готовить город к «обороне от немцев», но сразу же покидает его, как только немецкое нападение становится свершившимся фактом...

Можно и про переброску 1-й танковой дивизии написать, что ее целью было «укрепление обороны Мурманска». Можно. Бумага все стерпит. Но зачем же держать советских генералов за полных дураков? Если они хотели перевезти танковую дивизию к Мурманску – так и везли бы, Кировская железная дорога как раз до Мурманска и доведена. **Какая была нужда за 260 км до места назначения сворачивать налево и выгружать дивизию в безлюдной и бездорожной лесотундре?**

Да и как могла дивизия, оснащенная легкими танками БТ, укрепить оборону Советского Заполярья? Обратимся еще раз к воспоминаниям командира 1-й тд генерала В.И. Баранова:

«...действия танкистов усложняла сильно пересеченная местность. Бездорожье, скалы и крутые сопки, покрытые лесом, лощины и поляны, заросшие кустарником и усеянные валунами, озера, горные речки, топкие болота... О применении танков хотя бы в составе батальона не могло быть и речи. Бои велись мелкими группами, взводами и даже машинами из засад...» (7).

На такой «противотанковой местности» быстроходный БТ неизбежно терял свое главное качество – подвижность. А других особых достоинств за этой боевой машиной с противопульным бронированием и легкой 45-мм пушкой никогда и не числилось. Так неужели танковую дивизию везли за тридевять земель только для того, чтобы разорвать ее там на мелкие группы и «действовать отдельными машинами из засад»? Для «укрепления обороны» гораздо проще и эффективнее было бы в тех же самых эшелонах перебросить в Заполярье десяток тяжелых артиллерийских полков РГК, да и поставить в засады не легкие танки, вооруженные «сорокопяткой» (осколочный снаряд которой весил 1,4 кг), а тяжелые гаубицы калибра 152 или, еще лучше, – 203 мм. Вот они бы и встретили врага снарядами весом в 43 -100 кг, от которых и среди гранитных валунов не укроешься.

И тем не менее 1-я танковая приехала именно в Алакуртти (и именно в те дни, когда советские генералы разглядывали в бинокли лесные финские дороги) не случайно, и совсем не по дурости, а в соответствии с **изумительно красивым Планом**. К обсуждению этого плана мы подойдем чуть позднее, а сейчас снова обратимся к событиям 17 июня 1941 г.

Именно в этот день, когда 1-я тд начала погрузку в эшелоны, уходящие в Заполярье, командный состав 10 МК убыл на штабные учения. Провести эти учения руководство округа решило на севере Карельского перешейка, в районе Выборга, рядом с финской границей. В 9 часов утра 21 июня что-то изменилось, учения были неожиданно прерваны, а всем командирам было приказано немедленно вернуться в свои части. (17)

В два часа ночи 22 июня 1941 г. (в то самое время, когда эшелоны с 1-й танковой дивизией приближались к станции выгрузки) на командный пункт 21-й тд 10-го мехкорпуса, в поселок Черная речка под Ленинградом, прибыл сам генерал-лейтенант П.С. Пшенников – командующий 23-й, самой крупной из трех армий Северного фронта. Генерал-лейтенант лично поставил командиру 21-й тд полковнику Бунину задачу готовить дивизию к выступлению.

В 12.00 22 июня в дивизии объявлена боевая тревога с выходом частей в свои районы сбора по тревоге (17). На следующий день, **в 6 часов утра 23 июня** в 21-й танковой дивизии получен боевой приказ штаба 10-й МК о выступлении в район Иля-Носкуа (ныне г. Светогорск Ленинградской области), **в нескольких километрах от финской границы**.

В распоряжении автора не было текста «Журнала боевых действий» других дивизий 10 МК (24-й танковой и 198-й моторизованной), но, судя по тому, что они вышли из района постоянной дислокации в Пушкине и Ораниенбауме в то же самое время, что и 21-я тд, и двинулись в том же направлении, можно предположить, что 22 июня 41 г. и они получили аналогичные приказы от командования корпуса и 23-й армии.

Самое время познакомиться теперь поближе и с эти мехкорпусом.

10-й мехкорпус (командир – генерал-майор И.Г. Лазарев) был оснащен и подготовлен к ведению боевых действий значительно хуже 1-й МК. В разных источниках приводятся разные цифры укомплектованности 10-й МК танками: от 469 до 818 единиц. (3, 8) Такая неразбериха в цифрах, по всей вероятности, связана с тем, что на вооружение корпуса было принято множество танков Т-26 и БТ ранних выпусков, которые перед началом войны ускоренно списывались в преддверии поступления новой техники.

В большей степени это замечание относилось к 24-й танковой дивизии 10-го мехкорпуса, сформированной на базе 11-го запасного танкового полка и принявшей от него сильно изно-

шенную учебную материальную часть: 139 БТ-2 и 142 БТ-5 (всего 281 танк выпуска 1932–1934 годов). Когда 24-я тд начала выдвижение в исходный для наступления район, из 281 имеющегося в наличии танка 49 были оставлены в месте постоянной дислокации как неисправные. После чего из вышедших в поход 232 танков до лесного массива в районе Светогорска дошло только 177 танков.

Во всех отношениях лучше обстояли дела в другой танковой дивизии 10-й МК. 21-я танковая дивизия была сформирована на базе 40-й краснознаменной танковой бригады, заслужившей свой орден за мужество и мастерство, проявленные в боях на Карельском перешейке. К началу войны 21-я тд имела по списку 217 легких танков Т-26. (8) И марш эта дивизия выполнила гораздо организованнее. В журнале боевых действий 21-й танковой читаем: «...на марше имели место отставания отдельных танков и машин, которые службой замыкания дивизии быстро восстанавливались и направлялись по маршруту». (17)

Что касается третьей дивизии 10-й МК – 198-й моторизованной, – то она имела всего несколько десятков исправных танков, и по сути дела была обычной стрелковой дивизией с необычно большим количеством автотранспорта.

Все познается в сравнении. К этому золотому правилу, так старательно забытому коммунистическими «историками», мы будем обращаться еще не один раз. Разумеется, в сравнении с 1-й МК (1039 танков и 4730 автомашин самого разного назначения, от бензоцистерн до рефрижераторов и душевых кабин, новейшие гусеничные тягачи и новейшие гаубицы в арtpолках) 10-й МК выглядит просто безоружным. Но воевать-то собирались не со своим соседом по округу, а с каким-то другим противником...

В тот же самый день и час, когда огромные грохочущие и изрядно дымящие колонны танков, броневинов, гусеничных тягачей 10-го мехкорпуса двинулись через Ленинград на Выборг, утром 23 июня 1941 г., по Ленинградскому шоссе из Пскова в Гатчину (Красногвардейск) двинулась и главная ударная сила Северного фронта: две дивизии (3-я танковая и 163-я моторизованная) из состава 1-й МК.

«Мчались танки, ветер поднимая, наступала грозная броня...»

Только в каком-то странном направлении мчались. **Не на войну – а от войны. Или все-таки на войну, но на другую?**

А в это время на самых дальних (пока еще – дальних) западных подступах к Ленинграду назревала большая беда.

С первых же часов войны в Прибалтике, в полосе обороны Северо-Западного фронта, ход боевых действий отчетливо приобретал характер небывалого разгрома.

Вот как описывают советские военные историки события тех дней в монографии «1941 год – уроки и выводы»: «...последствия первых ударов противника оказались для войск Северо-Западного фронта катастрофическими. Войска армий прикрытия начали беспорядочный отход... Потеряв управление, командование фронта не смогло принять решительных мер по восстановлению положения и предотвращению отхода 8-й и 11-й армий...» (3).

Стоит отметить, что на противника «беспорядочный отход» войск С. -З. фронта произвел впечатление заранее запланированного отступления! Начальник штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записывает 23 июня 1941 г. в своем знаменитом «Военном дневнике»:

«...об организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится. Исключение составляет, возможно, район перед фронтом группы армий «Север», где, видимо, действительно заранее был запланирован и подготовлен отход за реку Западная Двина. Причины такой подготовки пока установить нельзя...» (12) Да, не хватало у немецких генералов фантазии на то, чтобы представить себе наши реалии...

Вернемся, однако, к описанию этих событий, данному российскими историками:

«...26 июня положение отходивших войск резко ухудшилось. 11-я армия потеряла до 75 % техники и до 60 % личного состава. Ее командующий генерал-лейтенант В.И. Морозов упрекал командующего фронтом генерал-полковника Ф.И. Кузнецова в бездействии... в Военном совете фронта посчитали, что он не мог докладывать в такой грубой форме, при этом Ф.И. Кузнецов сделал ошибочный вывод, что штаб армии вместе с В.И. Морозовым попал в плен и работает под диктовку врага... Среди командования возникли раздоры. Член Военного совета корпусной комиссар П.А. Диброва, например, докладывал, что начальник штаба генерал-лейтенант П.С. Кленов вечно болеет, работа штаба не организована, а командующий фронтом нервничает...» (3).

Пока в штабе Северо-Западного фронта искали «крайнего», 26 июня 1941 г. в районе Даугавпилса **сдался в плен начальник Оперативного управления штаба С. -З. фронта** генерал-майор Трухин (в дальнейшем Трухин активно сотрудничал с немцами, возглавил штаб власовской «армии» и закончил жизнь на виселице 1 августа 1946 года) (20, стр. 164).

Для правильного понимания дальнейших событий очень важно отметить, что Верховное командование в Москве трезво оценивало ситуацию и не питало никаких иллюзий по поводу того, что разрозненные остатки неуправляемого С. -З. фронта смогут сдержать наступление немецких войск.

Уже 24 июня (т. е. на третий день войны!) было принято решение о создании оборонительной полосы на рубеже реки Луга – 550 км к западу от границы, 90 км до улиц Ленинграда. (21) Вместе с тем, 25 июня Ставка приняла решение о проведении контрудара против 56-го танкового корпуса вермахта, прорвавшегося к Даугавпилсу. В стремлении хоть как-то задержать наступление немцев на естественном оборонительном рубеже реки Западная Двина командование РККА привлекло к участию в этом контрударе совершенно неукomплектованный 21-й мехкорпус (плановый срок завершения формирования этого корпуса был назначен на 1942 г.) и даже 5-й воздушно-десантный (!) корпус, не имевший для борьбы с танками ни соответствующего вооружения, ни должной подготовки. Другими словами, брешь в разваливающемся фронте обороны пытались заткнуть всем, что было под руками.

И вот в этой-то обстановке самый мощный на северо-западном ТВД 1-й мехкорпус (который даже после отправки 1-й тд в Лапландию еще имел **в шесть раз больше танков**, чем 21-й мехкорпус Лелюшенко!), разбивая дороги гусеницами сотен танков, уходил на север, в Гатчину, т. е. в прямо противоположном от линии фронта направлении!

К слову говоря, сами немцы были весьма обескуражены необъяснимым для них исчезновением «псковской танковой группы». Сперва им показалось, что 1-й МК ушел от Пскова на юг. Гальдер 22 июня 1941 г. отмечает в своем дневнике:

«...русская моторизованная псковская группа... обнаружена в 300 км южнее предполагавшегося ранее района ее сосредоточения...»

Затем – следующая версия (запись от 24 июня):

«...из всех известных нам оперативных резервов противника в настоящее время неясно пока лишь местонахождение псковской танковой группы. Возможно, она переброшена в район между Шяуляем и Западной Двиной...»

На следующий день, 25 июня, Гальдеру доложили, что «1-й танковый корпус противника переброшен из района Пскова через Западную Двину в район южнее Риги» (12).

Не будем слишком строги в оценке работы немецкой военной разведки. Им просто в голову не могло прийти, где на самом деле надо искать 1-й мехкорпус. Да и не было у них разведывательных самолетов с таким радиусом действия, который бы позволил зафиксировать

передвижения танковых частей Северного фронта. Вот если бы был у них разведывательный спутник, то с его «борта» открылось бы поистине фантастическое зрелище.

От границы Восточной Пруссии к Западной Двине двумя длинными колоннами в северо-восточном направлении двигались два немецких танковых корпуса из состава 4-й танковой группы: 41-й под командованием Рейнгардта и 56-й под командованием Манштейна. Далее на огромном трехсоткилометровом пространстве шла обычная мирная (если смотреть на нее из космоса) жизнь. А еще дальше к востоку, **в том же самом северо-западном направлении**, в таких же клубах пыли и дыма двигались два советских мехкорпуса: 1-й МК – от Пскова к Ленинграду, 10-й МК – от Ленинграда к Выборгу.

И что совсем уже удивительно – марширующие советские и воюющие немецкие дивизии двигались почти с одинаковой скоростью!

Корпус Манштейна прошел 255 км от границы до Даугавпилса (Двинска) за четыре дня. Средний темп продвижения – 64 км в день.

Корпус Рейнгардта прошел от границы до городка Крустпилса на Западной Двине за пять дней. Средний темп продвижения – 53 км в день.

А танковые дивизии 10-го мехкорпуса вышли в указанный им район сосредоточения северо-восточнее Выборга, в 150 км от Ленинграда только к концу дня 24 июня. Двое суток на марш от Пскова до Гатчины (200 км по прямой) потребовалось и дивизиям элитного 1-го мехкорпуса.

Строго говоря, темп продвижения советских танковых дивизий был все же в полтора раза выше.

Но немцы ведь не просто маршировали, а (как принято считать) еще и «преодолевали ожесточенное сопротивление Красной Армии».

Неспособность механизированных частей к организации форсированного марша было первым неприятным сюрпризом, с которым столкнулось командование Северного фронта. Низкие темпы отнюдь не были связаны с особой тихоходностью советских танков (БТ и по сей день может считаться самым быстроходным танком в истории), а с безобразной организацией службы регулирования движения и эвакуации неисправных машин. В специально посвященном этому вопросу приказе командира 1-го мехкорпуса от 25 июня 1941 года (8) отмечалось, что машины следовали в колоннах стихийно, перегоняя друг друга, останавливаясь по желанию шоферов на незапланированных стоянках, создавая пробки. Сбор отставших и ремонт неисправных машин отсутствовал.

Не многим лучше обстояли дела и в 10-м мехкорпусе. Протяженность маршрута выдвижения 24-й танковой дивизии составила 160 километров, которые она преодолела за 49 часов! Средняя скорость марша – 3,5 км/час (если помните, Д. Павлов предполагал, что мехкорпуса будут не просто маршировать, а наступать с темпом в 15 км/час!). В 21-й танковой дивизии танки израсходовали в ходе двухдневного марша по 14–15 моточасов, что явно свидетельствует о том, что даже в этой наиболее подготовленной и лучше оснащенной дивизии половина «марша» состояла из стояния в пробках и заторах.

Как бы то ни было, к 25–26 июня все части и соединения 1-го и 10-го мехкорпусов вернулись в указанных им районах на огромном пространстве от Гатчины до Заполярья, привели в порядок после многодневного марша людей и технику, выслали к финской границе, а как стало сейчас известно из воспоминаний живых участников событий, и ЗА финскую границу разведывательные группы и...

И ничего не произошло. Сухопутные (подчеркнем это слово жирной чертой) силы Северного фронта (14-я, 7-я, 23-я армии в составе пятнадцати стрелковых, двух моторизованных, четырех танковых дивизий и отдельной стрелковой бригады) **застыли в томительном и необъяснимом бездействии.**

На рассвете 25 июня 1941 года...

В то время как войска Северного фронта (Ленинградского ВО) совершали эти загадочные перегруппировки, боевые действия в Прибалтике продолжали развиваться все в том же, т. е. катастрофическом направлении. Только в районе Даугавпилса отчаянно смелый удар танкистов 21-го мехкорпуса Лелюшенко на пару дней затормозил продвижение врага. На всех остальных участках немцы почти беспрепятственно переправлялись через Западную Двину, выходя на «финишную прямую» Режица – Псков – Ленинград.

Единственным резервом, которым могло немедленно воспользоваться советское командование, были очень мощные силы авиации Ленинградского округа. Мосты и переправы через Западную Двину находились в зоне досягаемости 2-го, 44-го, 58-го (район Старой Руссы), 201-го, 202-го, 205-го (район Гатчины) бомбардировочных авиаполков. (23) Понимало ли советское военное командование ту огромную роль, которую может сыграть авиация в удержании стратегически важного водного рубежа? Еще как понимало! Несколько дней спустя, когда в Белоруссии, в полосе разгромленного Западного фронта, немцы начали переправляться через Березину, сам нарком обороны Тимошенко отдал приказ, в соответствии с которым к разрушению переправ через Березину привлекли буквально все, что могло летать. От легких бомбардировщиков Су-2 до тяжелых и неповоротливых, как речная баржа, ТБ-3.

Приказ Тимошенко требовал бомбить непрерывно, с малых высот. Немецкие историки назвали те дни «воздушным Верденом». Наша авиация несла страшные потери. Полки дальних бомбардировщиков ДБ-3, для действия с малых высот никак не пригодные, таяли, как свеча на ветру. Гибли летчики и штурманы дальней авиации – профессионалы с уникальным для ВВС Красной Армии уровнем подготовки. Такой ценой заплатила Ставка за возможность выиграть несколько дней для переброски в Белоруссию резервов из внутренних округов. И, заметим, никто из позднейших историков и военных специалистов никогда не критиковал это жестокое, но оправданное обстановкой решение наркома...

Вернемся, однако, в Прибалтику. Могли ли ВВС Северного фронта нанести ощутимый удар по переправам на Западной Двине (Даугаве)? Накануне войны в составе шести вышеупомянутых бомбардировочных авиаполков был 201 СБ в исправном состоянии. Кроме того, к участию в массированном авиаударе можно было привлечь и три бомбардировочных авиаполка (35-й, 50-й, 53-й) из состава 4-й авиадивизии (район г. Тарту в Эстонии), оперативно подчиненной с началом боевых действий Северному фронту. Это еще 119 исправных бомбардировщиков. (23)

Расстояние в 400–450 км от аэродромов, на которых базировались эти части, до Западной Двины позволяло использовать «устаревшие» бомбардировщики СБ с максимальной бомбовой нагрузкой. Более того, в отличие от той трагической ситуации, что сложилась в небе над Березиной, бомбардировщики можно было прикрыть на всем протяжении маршрута до цели и обратно новейшими истребителями МиГ-3 из состава 7-го, 159-го и 153-го истребительных полков. Этих новейших было – по мнению советских историков – совсем мало: всего лишь 162 МиГа в исправном состоянии. Это действительно меньше, чем хотелось бы, – но в полтора раза больше численности единственной на всем северо-западном ТВД истребительной эскадры люфтваффе JG 54 (98 исправных «Мессершмиттов» Bf-109 F по состоянию на 24 июня 1941 г.) (24).

Если и этого окажется недостаточно, то в составе Северного фронта были еще 10-й, 137-й и 72-й бомбардировочные авиаполки в районе Мурманска и Петрозаводска, которые можно было бы достаточно быстро перебазировать на юг, к Ленинграду.

Может быть, и это не так много, как хочется, но в составе 1-го воздушного флота люфтваффе, прокладывавшего дорогу немецким дивизиям группы армий «Север», было всего

210 исправных бомбардировщиков (по состоянию на утро 24 июня 41 г.) (24). Примечательно, что в сводке штаба С. -З. фронта № 3, составленной в 12 часов дня 22 июня, было сказано, что «*противник еще не вводил в действие значительных сил ВВС, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов*» (61). Оценка вполне объяснимая, если принять во внимание, что реальное число исправных боевых самолетов всех типов (330 единиц) в составе 1-го воздушного флота люфтваффе оказалось ровно **в десять раз меньшим того, которое ожидало увидеть на этом направлении высшее руководство РККА**. По крайней мере, именно такой вывод можно сделать из материалов рассекреченной только в 1993 г. знаменитой оперативно-стратегической «игры», проведенной Генштабом в январе 1941 г. (108).

Следующий вопрос – способно ли было командования ВВС Северного фронта к организации такого широкомасштабного авиационного наступления?

Критерий истины – практика. Практика показала – еще как способно!

На рассвете 25 июня 1941 года все вышеперечисленные авиационные соединения, а также крупные силы авиации Северного и Балтийского флотов нанесли мощный внезапный удар по врагу.

Вот как описывает эти события главный маршал авиации СССР А.А.Новиков:

«...рано утром 25 июня я был на узле связи, размещавшемся в полуподвальном помещении здания штаба округа. Последние приготовления, уточнение данных, короткие переговоры с командирами авиасоединений, и на аэродромах заревели моторы. Воздушная армада из 263 бомбардировщиков и 224 истребителей и штурмовиков устремилась на врага...Налет длился несколько часов, одна группа сменяла другую... Впервые в истории наших ВВС к одновременным действиям привлекалось такое количество боевой техники, причем на всем фронте: от Выборга до Мурманска... Эта первая в истории советской авиации многодневная операция убедила нас...» (39).

Ну и так далее.

Только удар этот пришелся вовсе не по немцам! Воздушная армада устремилась на... Финляндию. Сотни тонн бомб обрушились на мосты, дороги, заводы и железнодорожные станции, города и аэродромы по всей территории страны, «от Выборга до Мурманска», как без тени смущения пишет товарищ маршал. «*Состоявшиеся воздушные налеты против нашей страны, бомбардировки незащищенных городов, убийства мирных жителей – все это яснее, чем какие-либо дипломатические оценки показали, каково отношение Советского Союза к Финляндии,*» – заявил депутатам парламента премьер-министр Финляндии Юкко Рангель. (26) Вечером 25 июня финский парламент объявил, что Финляндия находится в состоянии войны с СССР.

Предоставим финским историкам право и дальше дискутировать по поводу того, стало ли нападение с воздуха причиной вступления Финляндии в войну или оно было просто использовано в качестве благовидного предлога финским руководством, мечтавшим об отмщении за трагедию «зимней войны» 1939/40 г. Мы же постараемся сопоставить то, что произошло на рассвете 25 июня на советско-финской границе с тем, что началось ранним утром 22 июня того же года на другой границе, советско-германской.

Читателя, которого оскорбляет любое сравнение Сталина с Гитлером, можно сразу утешить: различий будет больше, чем совпадений. Абсолютно тождественными были только те подлые приемы, которыми воспользовались оба тирана, и те «гнилые отмазки», которыми попытались заморочить мировую общественность советские и фашистские пропагандисты.

Так же как и Германия, Советский Союз не предъявлял своей будущей жертве никаких претензий по части несоблюдения ею мирных договоров и до последнего часа поддерживал с ней нормальные дипломатические отношения. Будущую жертву агрессии пытались убаюкать

лживыми проявлениями дружбы и взаимопонимания. Так, всего **за три дня до начала массированных бомбардировок** (вечером 22 июня 1941 г.) посол СССР в Хельсинки Павел Орлов заявил о том, что советское правительство будет **уважать нейтралитет Финляндии!** (26) И только после того, как агрессия стала свершившимся фактом, нацистские и коммунистические брехуны затянули песню про «вынужденный, упреждающий удар».

На этом все сходство и заканчивается. Дальше начинаются одни только различия.

В первой волне авианалетов на советские аэродромы в Прибалтике на рассвете 22 июня 41-го года приняло участие всего лишь 76 бомбардировщиков и 90 истребителей люфтваффе. (25, с. 270) Финляндию бомбили гораздо основательнее. Оно и понятно – было чем бомбить (см. выше состав авиации Северного фронта). Немецкая авиация перебазировалась на приграничные аэродромы за несколько недель (или даже дней) до начала боевых действий. Летчики люфтваффе действовали над новой, малознакомой территорией. Сталинские соколы летели по знакомым до мелочей маршрутам – за время первой (зима 1939/40 г.) финской войны советская авиация выполнила более 80 тысяч боевых самолето-вылетов. Немцам предстояло сокрушить авиацию противника, многократно превосходящего их в численности. Советские ВВС могли действовать, практически не обращая внимания на противодействие нескольких десятков финских истребителей.

Совершенно различными оказались и политические последствия 22 июня и 25 июня. Вероломное нападение на СССР было квалифицировано международным Нюрнбергским трибуналом как тягчайшее преступление гитлеровского режима. Советский Союз участвовал в работе Нюрнбергского трибунала – но отнюдь не в качестве одного из обвиняемых... Немецкие историки проделали в послевоенные годы огромную работу по раскрытию механизма подготовки и развязывания мировой бойни. Их советские «коллеги» действовали гораздо ловчее.

В большинстве популярных военно-исторических книжек (к числу этих «книжек» придется отнести и вузовские учебники по истории СССР и КПСС) нет даже малейшего упоминания про полыхавшие огнем пожары финские города. В тех же, весьма малочисленных, работах, в которых упоминается история с июньскими бомбардировками Финляндии, этим атакам советской авиации дается совершенно удивительное толкование. Оказывается, то был имеющий сугубо оборонительные цели «удар по аэродромам врага». Оказывается, 22 бомбардировщика финской авиации (самыми лучшими из которых были английские «бленхеймы» – аналог нашего «безнадежно устаревшего» СБ) создали такую угрозу Ленинграду, что только упреждающий удар мог спасти город. Одних новейших МиГов в количестве 162 машины было недостаточно для отражения возможных будущих налетов. Открываем, например, солидную монографию М.Н. Кожевникова (27) и читаем в ней дословно следующее:

«...в целях ослабления авиационной группировки врага и срыва готовившегося налета на Ленинград Ставка приказала подготовить и провести массированные удары по аэродромам Финляндии и Северной Норвегии, где базировались авиачасти 5-го воздушного флота Германии и финская авиация...»

Вот это класс! Вот это работа мастера! Всего одна маленькая буква «и» – и все становится с ног на голову.

На аэродромах оккупированной немцами весной 1940 г. Норвегии были немецкие авиачасти, в том числе и вышеупомянутая бомбардировочная группа II/ KG30. Они действительно, с первого дня войны, бомбили город и порт Мурманск, Кировскую железную дорогу.

На финских аэродромах ни одной эскадрильи люфтваффе не было, а защищать город Ленина от немецкой авиации надо было уже в других местах – на юго-западных подступах к нему. На финских аэродромах базировалась финская авиация, которая вплоть до 1945 г.

имела приказ Маннергейма не совершать никаких полетов над Ленинградом. (152) Приказ этот строго соблюдался даже тогда, когда линия фронта начавшейся 25 июня 1941 г. второй советско-финской войны проходила в нескольких минутах полета тихоходного бомбардировщика до Дворцовой площади. Но и до начала этой войны финская авиация, в силу своей малочисленности и технической отсталости, серьезных проблем для Красной Армии не создавала. Вот почему финские аэродромы не были ни единственным, ни даже самым главным объектом для ударов советской авиации.

В плане прикрытия от мобилизации и развертывания войск Ленинградского ВО задачи авиации округа (фронта) были сформулированы предельно ясно:

«...п.б. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным ж/д узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника...» (ВИЖ, 6/1996,).

Другими словами, уничтожение финской авиации было предусмотрено, но **только как одна из составных частей** совсем не оборонительных планов – ибо «задержать развертывание сил противника» можно только в одном случае – если противник начинает развертывание уже после вашего нападения.

А товарищ Кожевников при помощи союза «и» легко и просто свалил все в одну кучу. Финскую и немецкую авиации, финские и занятые немцами норвежские аэродромы, абсолютно законные в условиях начавшейся войны СССР с Германией налеты советской авиации на аэродромы люфтваффе в Северной Норвегии (если только такие налеты вообще были) с массовой бомбардировкой страны, нейтралитет которой сталинское правительство обязалось соблюдать.

Недоверчивый читатель уже чувствует подвох. Сейчас автор опять сошлется на какие-то «источники», из которых следует, что немецкой авиации в Финляндии не было. А что это за «источники», и можно ли этим источникам верить?

Вопрос действительно серьезный. Речь идет о войне и мире. Поэтому сошлемся на такой «источник», подделать который нельзя.

«Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, и нам объявили...» Так все и было, как поется в этой бесхитростной песне. Киев бомбили, и Минск, и Каунас, и Ригу, и Севастополь, и Одессу... **А почему же не бомбили Ленинград?** Да разве можно сравнить военное, экономическое, политическое значение всех этих городов с одним только Ленинградом?

Товарищ Сталин, выступая 17 апреля 1940 г. на совещании высшего состава РККА, (140) говорил, что в Ленинграде сосредоточена третья часть военной промышленности СССР. В этом ему можно поверить. Свою промышленность он знал лучше многих наркомов, которых стрелял раз в два года. Кроме того, Ленинград – это еще и важнейший железнодорожный узел, и база военно-морского флота, и главная судостроительная страна. Как же немцы могли забыть о нем?

А они о нем и не забывали. Потому-то танковые корпуса Манштейна и Рейнгардта, не считаясь с потерями, и рвались через Западную Двину к Пскову, потому-то Гитлер и снял с московского направления и повернул в августе 41-го года на Ленинград еще один, 39-й танковый корпус, что значение города на Неве для немецкого командования было вполне очевидно. И когда вслед за наступающим вермахтом на новгородские и псковские аэродромы смогли перебазироваться авиагруппы 1-го воздушного флота люфтваффе, они начали остервенело бомбить Ленинград.

Так что, уважаемый читатель, если вы хотите доподлинно узнать, базировалась ли 25 июня на финских аэродромах немецкая авиация, то просто спросите у старых ленинградцев – бомбили ли их город в ИЮНЕ 1941 года?

Вернемся снова к мемуарам главного маршала авиации:

«...к отпору врагу готовились и наземные войска округа. Все тогда были твердо уверены, что войскам округа придется действовать лишь на советско-финской границе – от Баренцева моря до Финского залива. Никто в те дни даже не предполагал, что события очень скоро обернутся совсем иначе, чем мы планировали перед войной...»

Вот так. Если бы не досадная помеха со стороны Гитлера, то советские войска снова начали бы «действовать» на всем протяжении финской границы, от Балтийского до Баренцева моря. Мемуары А.А. Новикова были опубликованы в 1970 году. Задолго до «Ледокола»... Не будем придирается к словам маршала. Человеку свойственно ошибаться. Скажешь, бывало, правду, а потом гоняешься за этим воробьем... Давайте лучше посмотрим, что писали в те дни центральные советские газеты, каждое слово в которых проверялось дюжиной явных и тайных цензоров.

24 июня «Известия» сообщили (правда, пока еще со ссылкой на «шведские источники») о том, что «среди подавляющего большинства населения Финляндии царит недовольство правящим режимом.» Вот так вот. Третий день идет война, «последствия первых ударов противника оказались катастрофическими», а «Известия» озабочены недовольством зарубежных «братьев по классу»...

28 июня, когда все подготовительные мероприятия были завершены, ставший уже привычным по предыдущим «освободительным походам» угрожающий рык раздался совершенно отчетливо:

«...дряхлый, забрызганный кровью Маннергейм вытащен из нафталина и поставлен во главе финских фашистов... холопы германского фашизма получают по заслугам...»

Вся эта риторика буквально дословно повторяла заголовки «Правды» от 26–29 ноября 1939 г., когда эта достойнейшая газета изъяснялась таким языком:

«...ишт гороховый на посту премьера... проучить зарвавшихся вояк... взбесившиеся собаки будут уничтожены...»

29 июня 1941 г. в «Известиях» появляется большая статья «На границе». Через каждую строчку в ней повторялась мысль о том, что «освободительный поход» в Финляндию будет вскорости продолжен:

«...мы снова приехали в места, памятные по тем боевым дням, когда белофинские части в смятении отходили под сокрушительными ударами...»

...на большой поляне среди высокого соснового бора стояли участники недавних походов...

...их спокойная уверенность в победе основана на опыте суровых боев на Карельском перешейке.

Для многих молодых бойцов это уже третья кампания (выделено мной – М.С.)...

...Я участвовал в боях с белофиннами. Сейчас, как и в те дни, у меня и у всех людей моего подразделения только одно желание, одна мысль...»

Одним словом – «принимай нас, Суоми-красавица...»

Один из самых ярких, запоминающихся эпизодов в трилогии В. Суворова – это та глава в книге «Последняя республика», где он рассказывает про то, как моделировал «зимнюю войну»

1939/40 г. на английском суперкомпьютере. Помните, задал В. Суворов машине такие исходные данные, как снег в полтора метра, температура под минус 35, железобетонные доты с многометровым перекрытием, – и она, испуганно поморгав лампочками, ответила, что без атомной бомбы «линию Маннергейма» прорвать нельзя. Лучше и не пробуйте.

Жаль, очень жаль, что не воспользовался Суворов моментом и не спросил супермашину, что она думает-понимает про июньское (1941 г.) наступление Красной Армии на финском фронте: толщина снежного покрова – ноль целых, толщина несуществующего бетона на отсутствующих дотах – хрен десятых, температура ласкового северного лета – плюс 20.

У наступающих трехкратное превосходство в артиллерии, абсолютное господство в воздухе.

В ближнем оперативном тылу Красной Армии – огромный город с мощной ремонтной, производственной, госпитальной базой. Северный фронт располагал по меньшей мере восьмикратным численным превосходством в танках над вероятным противником. По меньшей мере. Так как, кроме 1-го и 10-го механизированных (танковых) корпусов, каждая из пятнадцати стрелковых дивизий округа имела свой разведбат, вооруженный легкими плавающими танками – как нельзя лучше подходящими для боевых действий среди озер Карелии. Только этих танков в составе ЛенВО по состоянию на 1 июня 1941 г. насчитывалось 180 единиц (1, стр. 475, 482, 597). Примем во внимание и то, что большую часть из 86 финских танков составляли трофейные советские Т-26 и БТ, захваченные во время «зимней войны». Их техническое состояние не вызывает сомнения, если учесть полное отсутствие запчастей, да и то состояние, в котором они были захвачены.

Так чем же, если не атомной бомбой, могли остановить финны триумфальный марш Красной Армии на Гельсингфорс?

Ситуация на Северном фронте, где малочисленный и выжидающий противник не смог помешать войскам Ленинградского округа провести мобилизацию и развертывание сил в плановых объемах и сроках, была в известном смысле уникальной. **В то время как на западной границе наступление вермахта 22 июня 1941 г. прервало плановый ход мобилизации и развертывания Красной Армии, Северный фронт продолжал действовать строго по предвоенным планам.** Раскрученный 17 июня 1941 г. маховик не смогли остановить ни гитлеровское вторжение, ни даже прорыв немцев за Западную Двину. Не обращая внимания на эти «досадные помехи», командование Северного фронта продолжало шаг за шагом разыгрывать отработанный сценарий вторжения в Финляндию. Вот почему боевые действия на фронте начавшейся 25 июня 1941 г. второй советско-финской войны **могут служить своего рода моделью несостоявшейся «Грозы».**

Некоторые авторы писали, и многие читатели согласились с ними в том, что летом 1941 г. Красная Армия (если бы немцы ее не опередили) могла дойти до Берлина. От Выборга до Хельсинки гораздо ближе. И противник несравненно слабее. И первый удар нанесла Красная Армия.

Но дойти – не удалось. А ведь как все было красиво задумано...

«Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...»

Для того чтобы оценить по достоинству красоту Плана, нам потребуется карта – не карта сражений Великой Отечественной, а карта железных и автомобильных дорог Скандинавии.

План войны привязан к дорогам. Так это было во времена Ксеркса и Батыя, так же все осталось и в веке двадцатом. Более того, зависимость армий XX столетия от материально-технического обеспечения (боеприпасы, горючее) еще более повысила значимость транспортных коммуникаций при планировании и проведении операций.

Финляндия может считаться «малой страной» только по численности населения. По площади занимаемой территории Финляндия превосходит Австрию, Венгрию, Бельгию, Данию и Голландию, вместе взятые.

Так же как и в России, заселена и освоена эта территория крайне неравномерно. Густая сеть железных дорог на юге страны становится все более разреженной в центре, пока не превращается в одну-единственную нитку, которая в северной точке Ботнического залива, у города Кеми, раздваивается: одна ветка уходит на запад в Норвегию, связывая финские дороги с замерзающими норвежскими портами; другая уходит на восток, к границе с советской Карелией. Там же, через Рованиemi, Кемиярви и Салла проходит единственная в этом районе «сквозная» автомобильная дорога, связывающая западную (морскую) и восточную (советскую) границы. Еще дальше, к северу от Рованиemi, через сотни километров заболоченной тайги и тундры идет автомобильная дорога к Петсамо – самому северному городу Финляндии. Петсамо – это крупнейшие в Европе никелевые рудники, это броневая сталь и жаропрочные сплавы для авиационных моторов, это важнейшая статья экспорта довоенной Финляндии. Правда, сегодня это российский город Печенга.

А теперь **нанесем на эту карту район выгрузки 1-й танковой дивизии** (вы еще помните, с чего все начиналось?) – и простой, как все гениальное, замысел вторжения в Финляндию откроется вам во всей красе.

Всего один удар мощным танковым кулаком (а по численности танков дивизия Баранова почти в два раза превосходила танковый корпус Манштейна!) от Алакуртти на Кемиярви, и 1-я танковая вырывается из лесной чащобы на твердую автомобильную дорогу. Силы финской армии в этом регионе были слишком малы для того, чтобы остановить советскую танковую лавину: в районе Кусамо находилась только одна 6-я пехотная дивизия, а за 200 км от полосы предполагаемого наступления, в Сумосисалми, еще одна финская дивизия, причем общая численность этих двух дивизий, сведенных в 3-й корпус под командованием генерал-майора Х. Сииласвуо, составляла к концу июня всего 10 тысяч человек (в полтора раза меньше штатной численности советской стрелковой дивизии) (28).

Далее, продвигаясь по шоссе через Рованиemi, 1-я танковая выходит к Ботническому заливу, перерезает железную дорогу в Кеми – и вся оперативная обстановка меняется на глазах... Петсамо, отрезанный от всего мира, можно спокойно переименовывать в Печенгу – для этого в районе Мурманска развернута 14-я армия (14-я, 52-я, 104-я, 122-я стрелковые дивизии). Финский никель навсегда потерян для германской промышленности, а финская армия наглухо отрезана от немецких войск, уже находящихся или еще могущих быть в будущем перебросенными в Норвегию.

Разумеется, каким бы слабым ни был противник, наступление на глубину в 300 км никогда не будет «легкой прогулкой». Потому-то в Алакуртти и отправили прекрасно подготовленную, полностью укомплектованную, имеющую большой боевой опыт дивизию с командиром, для которого эта война должна была стать третьей по счету.

Правды ради отметим, что в теории существовала и возможность «прямого морского сообщения» между Германией и Финляндией через финские порты в Ботническом заливе.

При этом стратегическое значение железнодорожной ветки через Кеми в Норвегию как будто бы снижалось. Но все предвоенные планы исходили из того, что Краснознаменный Балтийский флот имеет достаточно сил и средств (включая базу на финском полуострове Ханко) для того, чтобы намертво закрыть Финский и Ботнический заливы для немецкого флота.

Для «яросного похода» по шоссе через Рованиemi к Ботническому заливу скоростной БТ, способный, сбросив гусеницы, разогнаться до 60–70 км/час, был лучшим из имеющихся на тот момент инструментов войны. Появление советской танковой дивизии в Алакуртти настолько явно раскрывало содержание и цель Плана, что с этой переброской тянули аж до 17 июня, а затем – произвели ее в экстренном порядке, побросав в псковском военном лагере десятки танков. И все для того, чтобы танковая армада появилась на финской границе в «самый последний момент».

Отработка этого мудрого и комплексного (безо всяких кавычек) плана началась уже осенью 1940 г., т. е. через полгода после заключения в марте 1940-го мирного договора с Финляндией. 18 сентября Тимошенко (нарком обороны) и Мерецков (начальник Генштаба РККА) подписали документ № 103203 – *«Соображения по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией»*.

Сразу же отметим, что среди этих «соображений» нет ни одного слова о Германии! Без всякой связи с возможным использованием финской территории немецкой армией советское командование ставит такие задачи: *«...вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить здесь основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии... одновременно с главным ударом нанести удар в направлении на Рованиemi – Кеми, с тем чтобы выходом на побережье Ботнического залива отрезать северную Финляндию и прервать непосредственные сообщения центральной Финляндии со Швецией и Норвегией...»* (16, стр. 253).

Главный удар предполагалось нанести по двум направлениям: через Савонлинна на Миккели и через Лапееранта на Хейнола. И что примечательно – в июне 1941 г. именно в центре предполагаемой полосы главного удара, напротив г. Иматра был сосредоточен 10-й МК. А для наступления через Рованиemi на Кеми планировалось развернуть 21-ю армию в районе Алакуртти – т. е. точно там, где 22 июня 1941 г. выгружали 1-ю танковую дивизию...

Полтора месяца спустя после подписания «соображений» на встречу с Гитлером в Берлин отправился глава советского правительства Молотов. Переговоры продолжались два дня: 12 и 13 ноября 1940 г. Из стенограммы переговоров следует, что обсуждение «финского вопроса» заняло добрую половину всего времени! Правда, обсуждение это проходило в форме диалога двух глухих. Молотов, с монотонностью заевшей граммпластинки, повторял один и тот же набор аргументов: вся Финляндия по секретному протоколу передана в сферу интересов Советского Союза, поэтому СССР вправе приступить к «окончательному решению» в любое удобное для него время. Гитлер же, все более и более срываясь в истерику, отвечал на это, что он не потерпит никакой новой войны в районе Балтики, так как эта новая война даст англичанам и повод и возможность для вмешательства, а Германия нуждается в бесперебойных поставках железной руды из Швеции (69, с. 41–47, 63–71). На этот раз высокие договаривающиеся паханы ни о чем конкретно не договорились и разъехались с чувством глубокого недоверия друг к другу.

Затем наступило 25 ноября 1940 г. В этот день Молотов передал послу Германии графу Шуленбургу проект соглашения об условиях создания пакта четырех держав, т. е. нацистской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии и «неизменно миролюбивого» Советского Союза. (69, с. 136). В тот же день нарком Тимошенко направил командованию ЛенВО директиву о подготовке войны с Финляндией. Первые слова этого документа звучали так: *«В условиях войны СССР только против Финляндии* (подчеркнуто мной – М.С.) *для удобства управления и материального обеспечения войск...»*

Далее в директиве ставилась задача *«разгромить вооруженные силы Финляндии, овладеть ее территорией... и выйти к Ботническому заливу на 45-й день операции»*. Хельсинки

собирались занять на «25-й день операции». Детальную разработку всех составляющих плана операции требовалось завершить к 15 февраля 1941 г. (16, с. 418–423). Стоит особо отметить два момента: и в этом документе нет никакой увязки предстоящей войны против Финляндии с возможным использованием ее территории войсками гитлеровской Германии, а также крайне решительные цели войны. Никаких «передвижек границы» подальше от города Ленина – только полная оккупация Финляндии и «выход к Ботническому заливу»!

Работа закипела. Уже в марте 1941 года заместитель наркома обороны генерал армии Мерецков провел с командованием ЛенВО многодневную оперативную игру, в ходе которой отрабатывались исключительно наступательные темы. Документальные подтверждения этого были опубликованы совсем недавно, но еще в старые– добрые времена официальная «История ордена Ленина Ленинградского военного округа» рассказывала как *«поучительно проходили полевые поездки на Карельском перешейке и Кольском полуострове, в ходе которых изучался характер современной наступательной операции»*. Ну а Петсамо советские генералы и вовсе считали почти что Печенгой. Тогдашний начальник штаба 14-й (мурманской) армии Л.С. Сквирский вспоминает, что в феврале 1941 г., узнав о том, что с Финляндией ведутся переговоры о дележе акций никелевых рудников, он очень удивился: «Зачем покупать, если мы вскоре и без того возвратим себе рудники?» (33) Весьма примечательно, что это мнение полностью совпадало с теми докладами, которые слал из Москвы в Хельсинки посол Паасикиви: *«Советский Союз использует против нас силу, если проблема рудников не будет решена...»*

То, что Советский Союз собирался выступить в роли вероломного агрессора, не удивительно.

Разве вторжение в Польшу (сентябрь 1939 г.) или оккупация Прибалтики (июнь 1940 г.) были чем-то иным, а не актом агрессии против государств, суверенитет которых сталинское руководство обязалось соблюдать? Странно и удивительно другое. Полностью отмобилизованные к концу июня 1941 года войска ЛенВО (Северного фронта) были уже выведены в районы развертывания, советская авиация продолжала начатые на рассвете 25 июня яростные бомбардировки Финляндии, а наземная операция все никак не начиналась. Почему?

До сих пор наше повествование базировалось на твердом основании фактов и документов.

В этом эпизоде мы переходим на зыбкую почву догадок и гипотез. Читатель имеет полное право пропустить окончание этой главы за «отсутствием улик», но, по мнению автора, в конце июня 1941 года для приведения плана разгрома финской армии в действие не хватало одного-единственного условия. Одного– единственного, без которого в армии ничего не происходит.

Не было ПРИКАЗА.

А приказа не было потому, что некому его было отдать: товарищ Сталин ушел с работы, а с товарищем Мерецковым уже работали люди с «горячим сердцем и чистыми руками».

Война войной, а «органы» работали. Набравшая обороты и почти уже никем не управляемая машина террора и беззакония продолжала захватывать в свои жернова все новые и новые жертвы.

На второй день войны, 23 июня 1941 г. волна арестов докатилась до самой вершины военного руководства: был арестован генерал армии, заместитель наркома обороны, в прошлом – начальник Генштаба РККА К.А. Мерецков. Тот самый, которому накануне (21 июня 1941 г.) решением Политбюро ЦК было поручено «общее руководство Северным фронтом» (см. выше).

Но Кирилл Афанасьевич Мерецков – не чужой человек в Ленинградском округе. С 1939 г. он был командующим ЛенВО, затем, во время первой финской войны, Мерецков возглавил 7-ю армию, ставшую главной ударной силой Красной Армии в боях на Карельском перешейке.

А теперь переведем все эти обстоятельства на язык протокола. Получается, что командование Северного фронта состояло в июне 1941 г. из выдвиженцев, сослуживцев и просто друзей «разоблаченного врага народа». Смерть дышала им в затылок. И не та славная смерть на поле боя, к которой должен быть готов каждый полководец, а страшная гибель в пыточной камере или расстрельном подвале. И неминуемая в этом случае расправа с родными и близкими – вдобавок.

Можно ли осуждать генералов Попова и Никишева (командующего и начальника штаба Северного фронта) за то, что в такой ситуации они не стали проявлять личную инициативу, тем более в таком деликатном вопросе, как переход границы сопредельного государства?

У них был приказ – ввести в действие план прикрытия. Они его выполнили – в полном объеме, точно и в срок. Как и положено по уставу.

У них не было приказа – отказаться от предвоенного плана вторжения в Финляндию и срочно перебросить все механизированные соединения навстречу наступающим на Ленинград немцам, – и они не отвели ни одного танка с финской границы.

Бомбардировка Финляндии была предусмотрена заранее (в плане прикрытия были «поименно» названы 17 объектов первоочередных бомбовых ударов) – и они ее успешно провели.

А вот по поводу перехода границы уже на этапе сосредоточения и развертывания войск в п. 8 плана прикрытия было сказано довольно расплывчато:

«...при благоприятных условиях... по указанию главного командования быть готовым к нанесению стремительных ударов по противнику...» (ВИЖ, 6 / 1996)

Вероятнее всего, Попов просто ждал, когда большое начальство само решит – сложились ли уже «благоприятные условия», или надо еще погодить.

Да только большое начальство в это время было занято совсем другими делами.

Начальник Генерального штаба Г.К. Жуков первые дни войны провел на Западной Украине, пытаясь организовать наступление войск огромного Юго-Западного фронта (в том, что из этого вышло, мы будем подробно разбираться в части 3), а его первому заместителю, начальнику Оперативного управления Генштаба Ватутину, поручено было спасти положение на Северо-Западном фронте.

Ответственного за северный участок фронта Мерецкова в этот момент избивали резиновыми дубинками и обливали следовательской мочой. Новый представитель Ставки на северо-западном направлении был назначен только 10 июля. За неимением ничего лучшего, Сталин поручил это дело маршалу Ворошилову. Правда, скоро выяснилось, что главнокомандующим Ворошилов – это гораздо хуже, чем ничего, но это будет потом.

Нарком обороны маршал Тимошенко, заместитель наркома обороны маршал Буденный, бывший (и будущий) начальник Генштаба маршал Шапошников собрались в конце июня в штабе Западного фронта под Могилевым, и думать про какие-то иматры, рованиемы и прочие суомисалми им было совершенно некогда. 27–28 июня танковые группы Гота и Гудериана, соединившись восточнее Минска, замкнули кольцо окружения вокруг 3-й, 10-й и 4-й армий Западного фронта. Шестисоттысячная группировка советских войск была разгромлена и большей частью взята в плен. 1 июля 1941 года немецкие танки вышли к Березине. Это означало, что третья часть пути от границы до Москвы была уже пройдена, и пройдена всего за восемь дней!

А что же делал в это время Самый Главный Начальник?

А самый главный, хотя и не получил даже обычного среднего образования, **все уже понял**. Может быть, потому так быстро и так правильно понял, что его «университетами» была подпольная работа в подрывной организации, однажды уже удачно развалившей русскую

армию прямо во время мировой войны. Сталин конкретно знал, как рушатся империи и исчезают многомиллионные армии. Поэтому всего семь дней потребовалось ему для того, чтобы понять – в чем причина неслыханного разгрома. Открывшаяся в этот момент истина оказалась непомерно тяжелой даже для этого человека с опытом сибирской ссылки, кровавой бойни Гражданской войны и смертельно опасных «разборок» с Троцким в 20-е годы.

В ночь с 28 на 29 июня Сталин уехал на дачу, где и провел в состоянии полной прострации два дня – **29 и 30 июня**, не отвечая на телефонные звонки и ни с кем не встречаясь.

Последствия этого трудно понять современному россиянину, которого приучили к тому, что Первый Президент суверенной России по несколько месяцев «работал на даче с документами».

Вот только сталинские порядки очень сильно отличались от ельцинских. Сталин вникал во все и командовал всем. З его подписью выходили решения о замене направляющих лопаток центробежного нагнетателя авиадвигателя АМ-35 или об исключении из состава возимого ЗИПа танка Т-34 *«брзента и одного домкрата»*. Без его согласия не решались вопросы балетных постановок в Большом театре и замены в песне слов *«и летели наземь самураи»* на слова *«и летела наземь вражья стая»* (после подписания 13 апреля 1941 г. договора о нейтралитете с Японией). Вот почему двухдневное отсутствие Сталина в Кремле не могло не парализовать работу всего высшего эшелона власти.

Хотите – верьте, хотите – нет, но приказ на переход границы с Финляндией поступил в 10-й мехкорпус 23-й армии Северного фронта именно после того, как соратники «лучшего друга физкультурников» уговорили его вернуться на рабочее место.

В полночь с 1 на 2 июля 1941 г. 21-я танковая дивизия получила боевой приказ:

«...в 6.00. перейти границу в районе Энсо и провести боевую разведку... установить силы, состав и группировку противника. Путем захвата контрольных пленных установить нумерацию частей противника...

...по овладении ст. Иматра – станцию взорвать и огнеметными танками зажечь лес. В случае успешного действия и захвата рубежей Якола-Иматра – удерживать их до подхода нашей пехоты...» (17)

Разгром

Читаешь текст этого приказа и думаешь: как быстро, как неотвратимо меняются времена и нравы! Вот раньше – какая была лепота:

*Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем...
Я хату покинул, ушел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам
отдать...*

Это – стихи. А вот и текст боевого приказа № 01 от 15 сентября 1939 года: «*Армии Белорусского фронта переходят в наступление с задачей содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов...*» (1, стр.113)

И что же? Не прошло и двух лет – и на тебе: ни мирового пожара, ни восставших из ада рабочих и крестьян. Все просто и прозаично: станцию на сопредельной территории – взорвать, лес – зажечь...

Правда, ни того ни другого сделано не было. В «Журнале боевых действий 21-й танковой дивизии» читаем, что *«разведотряд полностью свою задачу не выполнил, до Иматр не дошел, лес противника не зажег, лишь установил, что этот участок обороняется незначительными силами противника...»*

Оцените, уважаемый читатель, насколько командиры 1941 года были порядочнее советских «историков» последующих десятилетий. Уж у них-то (историков наших) противник всегда был «многократно превосходящий». Всегда. И везде. Так, в созданной коллективным гением группы военных историков монографии «Битва за Ленинград» (М., Воениздат, 1964 г., под ред. Зубакова В.Е.) финские войска, при равном с нашими числе дивизий оказались почему-то, в два раза более многочисленными (220 тысяч против 114 тысяч)...

Вечером первого дня наступления, в 23.30 2 июня 41-го года в штаб 21-й тд прибыл начальник автобронетанкового управления штаба 23-й армии генерал-майор Лавринович и поставил новую (а фактически – прежнюю) боевую задачу:

«с 6.00 3.7 начать наступление на Иматр с задачей – овладеть Иматр и перешейками между озерами Ималан-Ярви, Саймаа, удерживая последний до подхода стрелковых частей». Наступление танковой дивизии должны были поддержать огнем четыре артиллерийских дивизиона 115-й стрелковой дивизии.

К полудню **3 июля** части заняли исходное положение для наступления. Тут же произошел и первый сбой во взаимодействии: *«Артиллерия задержалась с подготовкой и начала ее только в 13.00, выпустив за час 50–55 снарядов...»* Другими словами, каждое орудие делало за час один-два выстрела. Надо полагать, такой «огневой шквал» скорее предупредил «белофиннов», нежели подавил их оборону. В 100 два полка (мотострелковый и танковый) 21-й танковой дивизии перешли границу и начали наступление. Дабы избежать обвинений в предвзятости, приведем ПОЛНОСТЬЮ все описание этого наступления, как оно изложено в «Журнале боевых действий»:

«...С переходом госграницы противник сначала оказывал слабое сопротивление, и наши части быстро продвигались вперед. К 18.00 3.7 передовые роты вышли на северные скаты высоты 107,5, где были встречены организованным огнем противника и отошли несколько назад...»

К 22.00 3.7 положение стабилизировалось на рубеже: лесная тропа юго-восточнее высоты 107,5, два домика севернее Якола, высота 39,5. 4-я рота 2-го батальона мотострелкового полка встретила сильное сопротивление противника, перешедшего в атаку, и к 22.00 3.7 с боем отошла за нашу госграницу, потеряв три танка сгоревшими и один подбитым. Решением

*командира дивизии дальнейшее наступление было остановлено и послано боевое донесение в штаб 23-й армии на разрешение выйти из боя. Этого разрешения мы ждали до 2.00. 4 июля в 2.25 прибыл начштаба 10-го МК полковник Заев с приказом дивизии выйти из боя и сосредоточиться в районе Яски. В 2 ч. 30 мин противник, скрытно обойдя фланги наших частей, перешел в контрнаступление по всему участку дивизии. Контрнаступление началось сильным автоматпулеметным огнем при поддержке минометов и артиллерии. В такой обстановке командир дивизии **смело** (так в тексте – М.С.) принимает решение на выход из боя. Выход из боя был проведен по следующему плану...*

К 4.00 4 июля части организованно вышли из боя. Противник три раза переходил в атаку, но всегда терпел поражение и с большими потерями отбрасывался...»

Вот и все.

Лесная тропа, два домика. Вот и весь маршрут Освободительного Похода-2. В шесть часов вечера 3 июля танковая дивизия неуклюже потыкалась в финскую оборону, к 4 часам утра 4 июля «смело вышла из боя», преследуемая не в меру разгорячившимися финскими парнями. Наконец, в 20.00 5 июля поступил «приказ об отправке дивизии ж.д. и автотранспортом в район Черная Речка», т. е. в район предвоенной дислокации корпуса.

Этим все и закончилось. **Превратить Финляндию в нищее российское Нечерноземье и на этот раз не удалось.** Вероятно, если бы весь бензин, израсходованный на перегруппировку 10-го МК от Ленинграда к Иматре и назад, просто вылили на сопредельную территорию – эффект был бы большим. По крайней мере, уж лес бы точно подожгли...

Дальше начался разгром.

Точнее говоря, разгром мехкорпуса (правда, пока еще в виде раздергивания единого броневое «ядро» на мелкие «дробинки») начался еще раньше.

Как только 10-й МК оказался в «зоне досягаемости» командования 23-й армии, оно (командование) повело себя как завмаг, на склад которого завезли редкий «дефицит». Все уставы, все наставления, вся предвоенная теория о МАССИРОВАННОМ использовании танков в составе крупных механизированных соединений, все уроки немецкого «блица» на Западе, многократно изученные на штабных учениях, – все было немедленно похерено и забыто.

Десять бронеавтомобилей в «распоряжение штаба армии», пять танков «для действий совместно со 115-й стрелковой дивизией», танковый батальон в составе 24 машин «в распоряжение командира 43-й сд», танковая рота в составе 10 машин «в распоряжение командира 19 стрелкового корпуса», 15 танков в состав истребительных отрядов (т. е. полувоенных формирований из работников НКВД и местных жителей).

Кроме совершенно очевидного снижения ударной мощи мехкорпуса, в таком использовании танков есть и еще один, менее очевидный, момент.

Танк (любой танк – немецкий, советский, английский) той эпохи был очень капризным, малонадежным и малоресурсным техническим устройством. Достаточно сказать, что межремонтный моторесурс для танка БТ-7 был установлен в 200 часов, для Т-26 – в 150 часов. Минимальнонеобходимые для боевого применения танков условия эксплуатации можно было создать только в рамках крупного соединения с мощной собственной ремонтной и эвакуационной базой. А о каком техническом обслуживании, о каком ремонте можно говорить применительно к оснащению и возможностям истребительного отряда НКВД или даже стрелковой дивизии, большая часть бойцов которой до призыва в армию не видела ни рельсов, ни паровоза? В результате после первого же незначительного отказа 10-и тонную дорогостоящую машину просто бросали в чистом поле.

Дальше – больше. Общее наступление финской «Карельской армии» на Онежско-Ладожском перешейке началось только 10 июля 1941 г. Но за несколько дней до начала полномасштабных боевых действий финское командование, видимо, решило провести разведку боем на сортавальском направлении. В штабе 23-й армии эти вызвало большой переполох.

Уже вечером 2 июля в штаб 21-й тд, наряду с приказом начать наступление на Иматру, поступило распоряжение отправить 41-й танковый полк этой дивизии железной дорогой на сортавальское направление, в район станции Элисенваара, при этом на погрузку танкового полка в эшелон было отпущено... 30 минут! Единственное, что облегчило выполнение погрузки в столь нереальные сроки, так это то, что после всех предшествующих «перегруппировок» в 41-м танковом полку, еще не сделавшем ни одного выстрела по противнику, остался всего 41 танк. Вот в таком составе он и был отправлен в Элисенваару. На следующий день, 4 июля, на сортавальское направление перебросили целиком уже всю 198-ю мотострелковую дивизию из состава 10-го МК. После этого про наступление 10-го мехкорпуса на Иматру можно было окончательно забыть.

Стоит отметить, что такое истерическое состояние, в которое пришло командование 23-й армии после первых же сообщений о переходе границы передовыми финскими отрядами, очень наглядно свидетельствует о том, что **к «отражению натиска врага» на Северном фронте никто и никогда не готовился.** В войсках даже не было топографических карт собственной территории. Красноречивое подтверждение этому мы находим в воспоминаниях Голушко:

«...перед командиром батальона лежала схема-карта, предназначавшаяся, наверно, для туристов либо автолюбителей... ничего иного в распоряжении комбата не было. Подразделение давно ушло из района, для которого имела военная топографическая карта...» (9). Этот эпизод с «давно ушедшим» из района запланированных боевых действий подразделением происходит во время отступления к Кексгольму (Приозерску), т. е. не далее чем в 60 км от советско-финской границы!

В тот же злополучный день, 4 июля 1941 г., командующий 23-й армией генерал-лейтенант Пшенников распорядился создать не предусмотренную никакими уставами «Армейскую танковую группу», для укомплектования которой был окончательно разукомплектован 10-й мехкорпус: из 21-й тд забрали 54 танка, из 24-й тд – 102 танка (правда, главным образом – устаревшие БТ-2) (8).

Такая активность, проявленная командованием 23-й армии 4 июля, имела простое объяснение. Именно в этот день из Генерального штаба РККА поступило, наконец, распоряжение о выведении 10-го МК из состава 23-й армии и передислокации этого мехкорпуса на юго-западные подступы к Ленинграду, на немецкий фронт. (8) Вопреки широко распространенным слухам о том, что «при Сталине в стране был порядок», генерал-лейтенант не позволил генералу армии Жукову «отныкать» у него (Пшенникова) мехкорпус целиком и «зачастил» без малого половину танков 10-го мехкорпуса.

В ходе многодневного обратного марша от финской границы к оборонительной линии на реке Луге (более 250 км) часть оставшихся в корпусе танков вышла из строя. В результате 9 июля было решено свести 90 наиболее исправных танков в один сводный танковый полк, а остальные 98 танков распределили по стрелковым подразделениям. На этом история 10-го МК практически и закончилась...

Еще раньше, 29 июня 1941 года начальник Генштаба Г.К. Жуков приказал вывести 1-й МК из состава Северного фронта и передать его в распоряжение командования Северо-Западного фронта. (5) Огромные танковые колонны снова двинулись в путь – на этот раз точно назад, от Гатчины к Острову. 163-я моторизованная дивизия ушла еще дальше на запад, к латвийскому городу Резекне (160 км от Пскова), где она и была 3 июля смята и разгромлена немецкими танками из корпуса Манштейна.

После того как главные ударные силы Северного фронта ушли с финской границы на запад, а авиация фронта покинула небо Карелии, будучи, наконец, перенацелена на борьбу с наступающими на Псков и Ленинград немецкими дивизиями, **10 июля 1941 года** началось наступление финской армии на Онежско-Ладожском перешейке.

Как известно, товарищ Сталин очень низко оценивал наступательные возможности финской армии. Так, выступая 17 апреля 1940 г. на совещании начальствующего состава РККА, великий вождь и учитель сказал дословно следующее:

«...финская армия очень пассивна в обороне... Дурачки, сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают... А наступление финнов гроша ломаного не стоит. Вот за 3 месяца боев помните ли вы хоть один случай серьезного массового наступления со стороны финской армии?» (140)

Трудно понять, кого товарищ Сталин хотел обдурить – себя или своих слушателей, – когда он высмеивал финскую армию за то, что она не бросилась в контнаступление против десятикратно превосходящего противника. Но летом 1941 года, когда силы сторон были примерно равны, финны и сами не стали чаек попивать, и другим не дали.

Под испытанным руководством «дряхлого, вытасченного из нафталина Маннергейма» (старого генерала царской армии, 30 лет верой и правдой служившего Российской империи, участника Русско-японской и Первой мировой войн) финские войска заняли весь Онежско-Ладожский перешеек и в начале сентября вышли на рубеж соединяющей эти два озера реки Свирь. 30 сентября финны овладели Петрозаводском – столицей Карело-Финской (да, именно так, с прицелом на лучшее будущее, переименовали ее 31 марта 1940 г.) автономной «республики». Финны также решили «не отставать» в переименованиях, и Петрозаводск стал Ээнислинной...

Наступление финнов на Карельском перешейке началось еще позже, только 31 июля 1941 г.

Пять дней спустя Пшенников был снят с поста командарма, но и это уже не помогло. Не помогли и железобетонные доты Сортавальского, Кексгольмского и Выборгского укрепрайонов. К концу лета финская армия вышла на рубеж старой границы, существовавшей на Карельском перешейке до «зимней войны» 1939 г. При этом в районе Выборга были окружены и разгромлены 43-я, 115-я и 123-я стрелковые дивизии 23-й армии, а командир 43-й сд, генерал-майор В.В. Кирпичников оказался в финском плену (28 июня 1950 г. он был расстрелян за то, что «потерял управление войсками, выдал финнам секретные данные о советских войсках, клеветал на советский строй и восхвалял финскую армию», в июне 1957 г. – реабилитирован посмертно) (, 20, стр.116, ВИЖ, 1992, № 12).

Несмотря на то что темп наступления противника был весьма низким (ни особенности местности, ни техническая оснащенность пехотной финской армии не позволяли ей резать фронт танковыми «клиньями» по немецкому образцу), **в плену у финнов оказалось 64 188 человек.** (31, 32)

Это – численность пяти стрелковых дивизий Красной Армии.

Тяжелая техника и вооружение 23-й армии были потеряны практически полностью. Так, выпущенный в 1993 году Генеральным штабом (теперь уже российской армии) статистический сборник «Гриф секретности снят» сообщает, что до 10 октября 1941 г. советские войска в Карелии и на Кольском полуострове потеряли 546 танков. (35) Эта цифра даже превышает суммарное количество танков, оставшихся в распоряжении командования Северного фронта после передислокации 10-го мехкорпуса и 1-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса на немецкий фронт. Возможное объяснение этой арифметической «нестыковки» заключается в том, что в

тылу Северного фронта работал (и отправлял в войска новые танки КВ) огромный Кировский завод в Ленинграде.

Несколько отвлекаясь от основной темы заметим, что всего в трех стратегических операциях, происходивших на северном фланге войны (Прибалтийской, Карельской и Ленинградской), за время с 22 июня по 10 октября 1941 г. Красная Армия потеряла (по данным из того же сборника) **4561 танк.** (35, стр. 368) Что **в семь с половиной раз** превосходит первоначальную численность 4-й танковой группы вермахта, действовавшей в составе группы армий «Север» на северо-западном направлении.

В конце августа 1941 г. Кейтель направил Маннергейму письмо, в котором он предложил финнам совместно с вермахтом взять штурмом Ленинград. Одновременно финнам предлагалось продолжить наступление южнее реки Свирь с целью соединения с немцами, наступающими на Тихвин. Но на эти предложения президент Финляндии Рюти и главнокомандующий Маннергейм ответили 28 августа категорическим отказом. После этого, 4 сентября 1941 г. в ставку Маннергейма был послан в качестве «главноуговаривающего» начальник главного штаба вооруженных сил Германии генерал Йодль, – но результат был тем же самым. (34) Финны забрали то, что они считали своим, – и дальше не сделали ни шагу.

Принято говорить, что «история не знает сослагательного наклонения». Зря говорят. Анализ нереализовавшихся альтернатив очень часто позволяет точнее и глубже понять суть того, что произошло в действительности.

В реальной истории финская армия вернулась на линию границы 1939 г. (а на Онежско-Ладожском перешейке – и за эту линию) в результате кровопролитной войны. А все могло бы быть совсем не так. Так вот, что мог получить и что бы потерял Советский Союз, если бы он сам, широким «жестом доброй воли», вернул Финляндии эти захваченные в ходе «зимней войны» территории?

Экономическая значимость этих районов совсем невелика – леса и клюквы в России и без того хватает.

Обсуждать такие категории, как «авторитет на мировой арене» или «общественное мнение», мы не будем. Нет предмета для обсуждения. Авторитет был такой, что СССР к тому времени уже исключили из Лиги Наций – причем именно из-за агрессии против Финляндии. Единственным союзником Союза во всем мире была братская Монголия (давно уже превращенная в советский протекторат). Что же до «общественного мнения», то оно в сталинской империи отличалось исключительной покладистостью.

Обсуждать можно только военно-политические последствия такого решения. В реальности социал-демократическая Финляндия пошла на противоестественный союз с фашистской Германией, что называется, «не от хорошей жизни». И не сразу. Так, еще 10 июня 1941 г. Маннергейм заявил прибывшему в Хельсинки полковнику германского Генштаба Бушенхагену, что Финляндия желает остаться в стороне от советско-германской войны. 22 июня 1941 г., после того как война между Германией и СССР стала свершившимся фактом, МИД Финляндии официально заявил, что Финляндия намерена остаться на позициях нейтралитета. Более того, по требованию финской стороны Риббентроп вынужден был публично дезавуировать заведомо ложные измышления Гитлера, который в своем радиовыступлении 22 июня бросил фразу о том, что «финские и немецкие солдаты стоят плечом к плечу». К 24 июня 1941 г. о своем признании нейтрального статуса Финляндии заявили СССР, Англия, Швеция и, что очень важно, Германия!

С вероятностью, близкой к 100 %, можно предположить, что если бы Советский Союз (возможно, при посредничестве своих новых, неожиданных союзников – США и Британской империи) предложил Финляндии некое компромиссное решение территориального вопроса, то новой советско-финской войны можно было избежать. Результаты такого поворота событий были бы гигантскими.

Во-первых, в Прибалтику можно было бы перебросить (причем перебросить заблаговременно, не дожидаясь разгрома Северо-Западного фронта) огромные силы: два мехкорпуса, пятнадцать стрелковых дивизий, многочисленные авиационные и артиллерийские части Ленинградского ВО.

В целом группировка советских войск в Прибалтике могла бы быть увеличена почти в два раза.

В дальнейшем, в июле-августе 41-го года, на немецкий фронт (а не на фронт никому не нужной финской войны) могли быть отправлены те резервы, которые в реальной истории пришлось отправить в Карелию. А именно: 88-я, 265-я, 272-я, 291-я, 314-я стрелковые дивизии, 3-я ленинградская дивизия народного ополчения, множество отдельных полков НКВД и морской пехоты. (30) Смогли бы немцы в этом случае дойти до пригородов Ленинграда?

Во-вторых, при любом развитии оборонительной операции на юго-западных подступах к Ленинграду, даже при столь катастрофическом, которое имело место в действительности, **блокада Ленинграда была бы абсолютно невозможна.**

Ленинград расположен НЕ на полуострове. Его в принципе нельзя блокировать «с одной стороны». Имея Финляндию в качестве – нет, не союзника, а всего лишь нейтрального соседа, Ленинград можно было бы снабжать сколь угодно долго по железной дороге через Петрозаводск – Сортавалу. Даже если бы немцы смогли пройти еще 250 км по лесам и болотам от Тихвина до Петрозаводска (чего в реальной истории им сделать не удалось), то и в этом случае удушить Ленинград голодом было бы невозможно: главный союзник СССР – богатая и крайне щедрая в тот момент Америка – заплатила бы финнам за поставки продовольствия для Ленинграда. В крайнем случае – привезла бы через порты нейтральной Финляндии и Швеции свои продукты.

Конечно, морская дорога в условиях войны крайне ненадежна – но ведь довели же до Мурманска морскими конвоями союзников более 5 миллионов тонн всякого добра. А для того чтобы спасти от голодной смерти два миллиона ленинградцев, с лихвой хватило бы и одного миллиона тонн тушенки (или столь памятного ветеранам американского яичного порошка)

В-третьих, при наличии бесперебойного железнодорожного сообщения с «большой землей», мощнейшие танковые, артиллерийские, авиационные заводы Ленинграда могли бы исправно работать для фронта и для победы. Всю войну. Кто посчитает, сколько солдатских жизней можно было бы сохранить этим?

Да, дорого, очень дорого обошлась советскому народу сталинская авантюра с «освобождением финских братьев от ига капитала»...

Первый маршал

Как вы, вероятно, уже догадались, запланированный поход 1-й танковой дивизии к берегам Ботнического залива так и не состоялся. Помешали немцы. 29 июня 1941 г. с территории оккупированной Норвегии перешел в наступление на Мурманск отдельный горно-егерский корпус вермахта под командованием генерала Эдварда Дитля.

Это было элитное соединение вермахта, специально подготовленное и оснащенное для боевых действий на Крайнем Севере. Весной 1940 г. именно горные егеря Дитля сыграли решающую роль в боях с англичанами при вторжении в Норвегию. Несмотря на сравнительную малочисленность (две дивизии, 28 тысяч человек личного состава), корпус Дитля должен был решить задачу стратегической важности: захватом Мурманска и заполярного участка Кировской железной дороги лишить Советский Союз доступа к незамерзающим портам.

Два дня спустя, 1 июля 1941 г., перешел в наступление на Кандалакшу 36-й армейский корпус в составе 169-й пехотной дивизии и дивизии СС «Норд». Задачей этого соединения вермахта был выход к железной дороге с целью отрезать обороняющиеся Мурманск части 14-й армии и Северного флота от остальной страны.

План войны привязан к дорогам – особенно если речь идет о боевых действиях в заполярной лесотундре. Именно поэтому район разворачивания 36-го немецкого корпуса оказался как раз на линии дороги Рованиemi– Салла (вдоль которой должна была ворваться в Финляндию 1-я танковая дивизия 1-го мехкорпуса). За эту ошибку, за пренебрежение к противнику и безобразную работу разведки немцам пришлось немедленно заплатить. Даже в крайне неблагоприятных условиях, на совершенно «противотанковой» местности 1-я танковая подтвердила свою репутацию первой.

В изложении современного финского историка (весьма, кстати сказать, сочувственно относящегося к бывшим союзникам Финляндии) эти события выглядят так:

«...действовавшая на южном фланге дивизия СС «Норд» оказалась неспособной наступать вследствие совершенно недостаточного уровня боевой выучки и значительной слабости руководства со стороны офицеров СС. После первых боев дивизия была даже обращена в бегство, устремилась назад и не могла поддержать 169-ю пехотную дивизию...»

Крепко, видимо, «приложились» к ним танкисты генерала Баранова, если эсэсовцы как-то разом потеряли и свою «боевой выучку», и традиционную немецкую привычку слушаться командиров...

Развить успех не удалось. На календаре был уже июль 41-го. и начальник Генерального штаба Жуков потребовал немедленно загрузить 1-ю тд в железнодорожные эшелоны и отправить ее туда, откуда она и приехала – на южные подступы к Ленинграду. (В скобках заметим, что этот приказ, поступивший в штаб 14-й армии уже 4 июля – в самом начале сражения за Мурманск, – лишний раз подтверждает наше предположение о том, что предвоенная передислокация дивизии Баранова в Заполярье была связана с чем угодно, но только не с планами **отражения немецкого вторжения.**)

И в этом случае взаимоотношения советских генералов немедленно перешли в «неуставную форму». Командующий 14-й армии генерал-лейтенант В.А.Фролов отнюдь не поспешил выполнять распоряжение Генштаба, и 1-я танковая продолжала сражаться в Заполярье до середины июля.

Не будем спешить с оценками. У каждого генерала была своя правда. Жуков, отвечавший за оборону всей страны, прекрасно понимал, какие катастрофические последствия – в военном, экономическом, политическом плане – может иметь захват немцами Ленинграда.

Поэтому Генштаб и спешил любыми средствами создать какой-то фронт обороны к востоку от Пскова и Нарвы.

А у генерала Фролова была своя правда. Он нисколько не сомневался в том, что второго такого случая не будет, и полноценную танковую дивизию к нему на Кольский полуостров Ставка больше никогда не пришлет, – поэтому и спешил максимально использовать благоприятное стечение обстоятельств.

С позиции знаний сегодняшнего дня этот драматический спор разрешить еще труднее. В июле 1941 г. Жуков, конечно, не мог предположить, что «англо-американские империалисты» пришлют в помощь Сталину 17 миллионов тонн военных грузов. А в действительности на протяжении трех долгих лет войны потребности Красной Армии и оборонной промышленности по таким важнейшим позициям, как авиационный бензин, взрывчатка, алюминий, автомобили и авторезина, поезда, локомотивы и рельсы, средства связи, антибиотики, покрывались главным образом за счет помощи от злейших врагов коммунизма. В связи с таким невероятным поворотом событий оборона Мурманска и железной дороги к нему превращалась в стратегическую задачу не меньшего значения, нежели оборона Ленинграда и Москвы, нефтепромыслов Баку и Грозного.

Не будет лишним отметить и то, что летом 1941 г. именно 14-я армия генерала Фролова оказалась **единственной армией** на всем фронте от Черного до Баренцева моря, которая **выполнила поставленную ей задачу**.

Наступление противника была остановлено в приграничной полосе, прорваться к Мурманску и Кировской железной дороге немцам не позволили, при этом элитный корпус Дитля понес огромные (более 50 %) потери в личном составе. В середине октября 1941 г. остатки 2-й и 3-й горно-егерских дивизий вермахта были отведены с Кольского полуострова в тыл для переформирования.

Увы, об этом сегодня практически никто не вспоминает, а сам В.А. Фролов даже не был удостоен звания Героя Советского Союза – совершенно необычная ситуация для полководца Великой Отечественной в звании генерал-полковника.

Вернемся, однако, от высот большой стратегии к трагическим событиям июля 1941 г.

Неразбериха в управлении завершилась тем, что фактически ни один из вариантов использования 1-й тд как крупного ударного соединения не был реализован. Командование якобы «наступательной» Красной Армии не решилось на организацию контрнаступления, и 1-ю танковую, так же как и весь 10-й мехкорпус 23-й армии, «раздергали по частям».

Мотострелковый полк и один танковый батальон из состава 1-го танкового полка остались воевать на Кандалакшском направлении в составе 14-й армии. Кроме того, выделенные в распоряжение командира 42-го стрелкового корпуса 14-й армии полсотни танков в августе 1941 г. свели в отдельный танковый батальон, успешно сражавшийся с немцами до 1943 года. (8)

Тем временем Ставка снова потребовала (Директива № 00329 от 14 июля) «*танковую дивизию из района Кандалакии немедленно перебросить под Ленинград*». (5) И вот наконец, **17 июля** 41-го, ровно через месяц после того, как «мирным» июньским утром дивизия была поднята по боевой тревоге, эшелоны с 1-й танковой двинулись назад, на юг – к Ленинграду.

Но и на этот раз дойти до фронта войны с Германией им было не суждено.

10 июля 1941 г. Ставка (т. е. товарищ Сталин) создала Главное командование Северо-Западного направления, которое возглавил маршал Советского Союза, член Политбюро ВКП (б), зампред Совнаркома, один из пяти членов Государственного комитета обороны (высшего органа государственной власти того периода) Клим Ворошилов.

Товарищ Ворошилов всю жизнь боролся с помещиками и капиталистами. Но в его вражде к миру капитала не было, как говорят американцы, «ничего личного». Это была нена-

висть по приказу. По приказу же она могла в любой момент смениться крепкой боевой дружбой.

В августе 1939 г. нарком Ворошилов ведет переговоры с английским лордом, сэром Реджинальдом Драксом, адмиралом английского флота, и французским генералом Думенком о военном союзе против Гитлера. В сентябре того же 1939 г. нарком Ворошилов совместно с гитлеровским генералом Кёстрингом обсуждает вопросы взаимодействия вермахта и Красной Армии в деле разгрома и оккупации Польши.

К концу Второй мировой войны Ворошилов и вовсе превращается во что-то вроде высокопоставленного «военного дипломата». Сталин везет его с собой в Тегеран на встречу с Рузвельтом и Черчиллем, поручает ему вести переговоры о заключении мира с Венгрией и Румынией, принимать в Москве французскую военную делегацию с генералом де Голлем во главе и т. п.

Но вот к «белофинским маннергеймовским бандам» товарищ Ворошилов питал настоящую, неподдельную ненависть. Звонкие, увесистые оплеухи, которые финская армия навешала зимой 1939/40 г. «первому красному офицеру», продолжали гореть на щеках Ворошилова. К тому же дело тогда вовсе не ограничилось одними только метафорическими «оплеухами». После того как Красная Армия понесла в войне с «финляндской козьявкой» потери большие, чем потери вермахта при оккупации половины Европы, Сталин 8 мая 1940 г. выгнал Ворошилова с поста Наркома. И не просто выгнал – а дал подписать на прощание совершенно секретный «Акт о приеме наркомата обороны СССР тов. Тимошенко от тов. Ворошилова». (42)

В этом удивительном документе было перечислено два десятка направлений работы оборонного ведомства, по каждому из которых констатировались «исключительная запущенность» и подмена дела «бумажными отчетами». Правда, Ворошилову оставили и звание и членство, но бумага о том, что он разваливал оборону страны так тщательно и всесторонне, как не смог бы развалить ее и вражеский агент, пробравшийся в Кремль, лежала «на запасных путях». И Клим Ефремович об этом знал и всегда помнил.

Желание «проучить зарвавшихся финских вояк» и восстановить тем самым свою репутацию умудренного опытом полководца привели в 20-х числах июля 1941 г. маршала Ворошилова в Карелию. Оценить по достоинству этот визит можно, только если вспомнить, что происходило в эти дни на юго-западных подступах к Ленинграду.

К концу июня 1941 г. группа армий «Север» форсировала Западную Двину на всем протяжении от Даугавпилса до Риги. Вырвавшись на оперативный простор, немцы 6 июля, после двухдневного ожесточенного боя с 3-й танковой дивизией 1-го МК, заняли город Остров. 9 июля, практически без боя, на плечах панически бегущих 118-й и 111-й дивизий, немцы вошли в Псков. 10 июля Г.К. Жуков от имени Ставки шлет командованию С. -З. фронта (уже 4 июля прежний командующий был отстранен и в командование фронтом вступил генерал-майор П.П. Собенников) следующую директиву: «... командиры, не выполняющие Ваши приказы и как предатели бросающие позиции, до сих пор не наказаны... как следствие бездеятельности командиров части Северо-Западного фронта все время катятся назад... Командующему, члену Военного совета, прокурору и начальнику 3-го управления фронта немедленно выехать в передовые части и на месте расправиться с трусами и предателями, на месте организовать активные действия по истреблению немцев, гнать и уничтожать их...» (5, стр.62).

Увы, расправиться со всеми трусами и предателями не удалось – в середине июля 1941 г. бои шли уже в ста километрах от Ленинграда. На удержание фронта по реке Луге были брошены дивизии народного ополчения. Плохо вооруженные, почти необученные, набранные из никогда не державших в руках оружия студентов и преподавателей ленинградских вузов, ополченцы гибли на лужском рубеже. Гибли будущие, так навсегда и оставшиеся неизвестными ученые, поэты, художники, погибала творческая элита нации – ради того, чтобы на несколько дней задержать натиск врага, дать командованию время на переброску резервов.

Обеспокоенный этим практически первым с начала войны срывом в реализации своих планов, Гитлер лично прибыл 21 июля в штаб группы армий «Север» и потребовал от Лееба скорейшего взятия Ленинграда.

Именно в этот день **Ворошилов своей властью остановил идущие к Ленинграду эшелоны** и приказал выгрузить главные из оставшихся сил 1-й тд (а именно: 2-й танковый полк в составе 4 КВ, 13 Т-28, 29 БТ-7, 57 БТ-5, 32 Т-26 и 19 бронемашин) в лесах у Ведлоозера, в 70–80 км к западу от Петрозаводска. (8) Совместно с двумя мотострелковыми полками НКВД они должны были контратаковать и разгромить финнов.

Абсурдность этого решения заключена даже не в том, что на весах войны Ленинград и Петрозаводск имели разный вес.

К несчастью, маршал Ворошилов так и не понял, что дивизия легких танков – это не волшебная «палочка-выручалочка», а инструмент. Инструмент, пригодный только для вполне определенной работы. Той самой, которую в войнах прошлого столетия выполняла казачья конная лава: гнать и рубить бегущих, захватывать штабы и склады, жечь обозы в тылу парализованного страхом врага... Другими словами, решать те же задачи, которые в июне 1941 г. выполнили дивизии 4-й и 3-й танковых групп вермахта на северо-западном направлении.

В скобках заметим, что и вооружены они были ничуть не лучше: из 1544 танков, с которыми начали восточный поход 4-я и 3-я танковые группы, 1237 (80 %) составляли легкие танки Pz-I, Pz-II, трофейные чешские Pz-38(t) с противопульным бронированием и гораздо более слабым (в сравнении с нашими Т-26 и БТ) вооружением.

А на местности с такими названиями, как Машозеро, Крошноозеро, Куккозеро, Ведлозеро, среди дремучего хвойного леса, болот и озер Карелии, танковая дивизия Баранова была обречена. Отчаянно сражающиеся финны из 1-й пехотной дивизии полковника Паалу в ходе ожесточенных боев 23–27 июля остановили наступление Советской Армии. Судя по донесениям командиров 1-й тд, моторизованные чекисты отходили после первых же выстрелов, а финская пехота расстреливала наши танки из лесных засад, минировала редкие в этих местах дороги, в ход пошли и бутылки с бензином, и толовые пашки.

Сам главком Ворошилов не стал, разумеется, дожидаться окончательных результатов своего командования. Он вскоре вернулся в Ленинград, где и отдал один из самых знаменитых своих приказов – об изготовлении нескольких десятков тысяч стальных наконечников для копий, которыми первый маршал собирался переколоть фрицев, когда они ворвутся в город Ленина...

10 августа командование Петрозаводской оперативной группы, усиленной 272-й стрелковой дивизией из резерва Ставки, попыталось было вновь организовать наступление – но результат был прежним. Использовать танки массированно, ударными группами советское командование так и не смогло. Отдельными взводами и ротами танковый полк раскидали на огромном пространстве восточной Карелии. Имели место случаи использования 50-тонных КВ для доставки донесений, в качестве курьерского мотоцикла. Множество танков из-за отсутствия в лесной глухомани бензина, солярки и запчастей пришлось зарывать в землю и использовать в качестве неподвижных огневых точек, а то и просто бросать. В конце месяца немногие уцелевшие в этом лесном побоище танкисты пешком, с остатками частей 7-й армии, отошли к Петрозаводску. (8)

Вот так и закончился первый из длинной череды несостоявшихся контрударов Красной Армии лета 1941 г. Сегодня трагедию второй советско-финской войны мало кто помнит. Только увязшие в карельских болотах танки да пожелтевшие похоронки – много, много похоронок, десятки тысяч – остаются немymi свидетелями той ненужной, затерянной в темных водах советской истории войны.

Разумеется, нельзя отрицать того, что немецкое наступление в Прибалтике и стремительный выход 4-й танковой группы вермахта на юго-западные подступы к Ленинграду сме-

шали все планы советского командования. Вторжение в Финляндию **пришлось остановить в самом его начале**, на разбеге. С другой стороны, судя по тому, КАК началось советское наступление, каких «успехов» добились 1-й и 10-й мехкорпуса за то время, которого вермахту хватило на рывок от границы до Пскова, достаточно трудно поверить в то, что ТАКАЯ армия могла гнать и громить немцев, форсировать полноводные Вислу и Одер, покорять Европу...

Вот здесь, уважаемый читатель, вы вправе возмутиться. Что за разговор такой: «трудно поверить»? Что это у нас – театральная рецензия или исследование по военной истории?

Критика признана справедливой. В следующих частях нашего повествования речь пойдет уже о направлениях главного удара, о тех попытках наступления, развитию которого никто (кроме противника) не мешал.

Часть 2 ТРЯСИНА

Замысел

Вечером 22 июня 1941 г., а если говорить совсем точно, то в 21 час 15 минут нарком обороны Тимошенко утвердил и направил для исполнения командованию западных округов (фронтов) Директиву № 3.

В этом документе давалась краткая оценка группировки и планов противника:

«...противник наносит главные удары из сувалкского выступа на Алитус и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит – Шяуляй и Седлец – Волковыск...» – и ставились ближайшие задачи на 23–24 июня: *«концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки; мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5-й и 6-й армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня овладеть районом Люблин»* (5).

В скобках заметим, что уже один этот документ позволяет сделать обоснованный вывод о том, чего стоит многолетнее бахвальство славных «чекистов» о том, что документы немецкого командования ложились на стол Сталина на полчаса раньше, чем на стол Гитлера.

За шесть месяцев, прошедших с момента подписания Гитлером плана «Барбаросса», советское военное руководство так и не узнало, что самый мощный удар вермахт будет наносить силами 2-й танковой группы Гудериана по линии Брест–Слуцк – Минск. Это направление не упомянуто в Директиве № 3 даже как вспомогательное. А то, что наше командование распенило как *«вспомогательный удар в направлении Тильзит–Шяуляй»*, было в действительности началом наступления главных сил группы армий «Север» на Ленинград.

В действительности совместные действия Северо-Западного и Западного фронтов так и не состоялись. Главные ударные силы Северо-Западного фронта: 12-й мехкорпус генерал-майора Шестопалова и 3-й (без 5-й танковой дивизии) мехкорпус генерал-майора Куркина были перенацелены не на юго-запад, в направлении Каунас – Сувалки (как это было предписано Директивой № 3), а на северо-запад, в направлении Шяуляй, где 24 июня и произошло крупное танковое сражение с главными силами 4-й танковой группы вермахта. Что же касается 5 тд (3-го МК), то она уже утром 23 июня была разгромлена в районе Алитуса и в дальнейших боевых действиях фронта практически не участвовала.

Таким образом, двухсторонний удар по сувалкской группировке немцев превратился в наступление правого крыла одного только Западного фронта. Обстоятельства и причины разгрома, которым закончилось это наступление, мы и рассмотрим в этой части нашего повествования.

К тому времени, когда Директива № 3 была получена и расшифрована в штабе Западного фронта, военная ситуация качественно изменилась.

Немцы форсировали Неман. Точнее говоря, не форсировали, а переехали его по трем невзорванным мостам у Алитуса и Меркине. *«Вслед за отходившими подразделениями совет-*

ских войск, – так пишет главный наш спец по начальному периоду войны товарищ Анфилов, – *по мостам через Неман проскочили и немецкие танки*». Проскочили в количестве трех (7-й, 20-й, 12-й) танковых дивизий. К исходу дня 22 июня 1941 г. передовые части 3-й танковой группы вермахта продвинулись в глубь советской территории на 60–70 км и устремились к Вильнюсу. Но каким бы сильным ни был наступательный порыв немцев, каким бы слабым ни было сопротивление войск 11-й армии Северо-Западного фронта – дороги и мосты имеют вполне определенную пропускную способность, а танки в колоннах движутся с интервалами в несколько десятков метров. В результате, когда утром 24 июня 7-я танковая дивизия вермахта заняла Вильнюс, а 20-я и 12-я танковые дивизии подходили к Ошмянам, арьергард танковой группы – 19-я танковая и 14-я моторизованная дивизии еще только переправлялись через Неман. (13) Таким образом то, что военные историки обычно называют «немецким танковым клином», в те дни представляло собой несколько «стальных нитей», растянувшихся на 100–120 км вдоль дорог западной Литвы. При этом немецкая пехота, ходившая в прямом смысле этого слова пешком, со своими конными обозами и артиллерией на «лошадиной тяге», еще только начинала наводить понтонные переправы через Неман.

Устав требует, чтобы подчиненный любого ранга и звания, при безусловном выполнении поставленной ему вышестоящим командиром задачи, проявлял разумную инициативу в выборе наиболее эффективных путей и методов выполнения приказа. Именно так действовал командующий Западного фронта, Герой Советского Союза, кавалер трех орденов Ленина и двух орденов Красной Звезды, генерал армии Д.Г. Павлов. В 23 ч 40 мин 22 июня он приказал своему заместителю генерал-лейтенанту Болдину (к этому времени уже прибывшему из Минска в Белосток, в штаб самой мощной, 10-й армии Западного фронта) организовать ударную группу **в составе 6-го мехкорпуса, 11-го мехкорпуса, 6-го кавалерийского корпуса** и *«нанести удар в общем направлении Белосток – Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом (т. е. западном. – М.С.) берегу р. Неман... к исходу 24.6.41 г. овладеть Меркине»*

Как видно, Павлов (отойдя от прямого следования «букве» Директивы № 3) повернул острие наступления с северо-западного направления (от Гродно на Сувалки) прямо на север, вдоль западного берега Немана, от Гродно на Меркине. Замысел операции был гениально прост. Стремительный (два дня во времени и 80–90 км в пространстве) удар во фланг и тыл наступающей на запад пехоты противника, захват мостов и переправ через Неман – и мышеловка, в которую сама загнала себя 3-я танковая группа вермахта, захлопывается. Отрезанные от всех линий снабжения, лишённые поддержки собственной пехоты, немецкие танковые дивизии, прорвавшиеся к Вильнюсу, окружаются и уничтожаются.

В скобках заметим, что одиннадцать месяцев спустя, в мае 1942 года, в точности такая же по замыслу операция была проведена немцами. Тогда, в ходе ставшей печально-знаменитой Харьковской наступательной операции, советские войска форсировали Северский Донец и вышли к пригородам Харькова. А в это время немецкая танковая армия Клейста форсировала ту же самую реку в районе города Изюм (в 100 км южнее Харькова) и, продвигаясь на север вдоль восточного, практически никем не обороняемого берега Северского Донца, перерезала коммуникации советских войск, оказавшихся в конечном итоге в «котле» на западном берегу Донца.

Результатом стало окружение и разгром пяти советских армий, при этом более 200 тысяч бойцов и командиров Красной Армии оказались в немецком плену. Задуманная Павловым операция не могла завершиться столь масштабным успехом – просто потому, что в составе немецкой 3-й танковой группы не было ни 200, ни даже 100 тысяч человек. Но во всем остальном наступление ударной группы Западного фронта было, что называется, «обречено на успех».

Обреченные на успех

Благодаря предусмотрительно вырисованной в сентябре 1939 г. «линии разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства» (70) белостокская группировка советских войск, еще не сделав ни одного выстрела, уже нависала над флангом и тылом немецких войск, зажатых на тесном «пяточке» сувалкского выступа. Об этом позаботился Сталин. А природа (или сам господь Бог) позаботилась о том, чтобы река Неман повернулась у Гродно на 90 градусов, «освобождая» таким образом дорогу наступающим от Белостока на Меркине советским танкам. Других крупных рек, за которые могла бы зацепиться обороняющаяся немецкая пехота, в этом районе просто нет.

Благодаря тому, что Павлов отказался от наступления на занятый немцами в 39-м году город Сувалки и решил окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника **на советской территории**, немцы были лишены возможности опереться на заранее подготовленную в инженерном смысле противотанковую оборону. Понятно, что на местности, которую немцы заняли день-два назад, у них еще не было и не могло быть ни минных полей, ни противотанковых рвов, ни железобетонных дотов.

В состав ударной группировки генерала Болдина (по принятой в РККА военной терминологии это была «конно-механизированная группа», сокращенно – КМГ) было включено: **четыре танковые, две механизированные дивизии**, а также соответствующий по численности одной «расчетной дивизии» **кавалерийский корпус**, имевшие на вооружении как минимум **1310 танков и 370 пушечных бронеавтомобилей**, всего 1680 единиц бронетехники, (78) более шести тысяч автомобилей и трехсот тракторов. Кроме того, 23 июня в группу Болдину для артиллерийской поддержки наступления был включен 124-й гаубичный полк резерва Главного командования в составе 48 тяжелых орудий.

Еще раз подчеркнем, что это минимальные из встречающихся в литературе цифры. Если же верить данным монографии «1941 год – уроки и выводы» (выпущенной в 1992 году Генштабом Объединенных вооруженных сил СНГ), то число танков в дивизиях КМГ Болдина составляло **1597 единиц**, (3) что более чем в полтора раза превышает численность самой крупной танковой группы вермахта!

Весьма показательно и сравнение состава КМГ Болдина с численностью советских танковых армий завершающего периода Великой Отечественной. Так, накануне крупнейшей Висло-Одерской операции в январе 45-го года в 4-й танковой армии Лелюшенко числилось всего 680 танков и самоходных орудий, во 2-й Гвардейской танковой армии накануне штурма Берлина, 15 апреля 1945 г. числилось 685 единиц бронетехники, включая броневики и САУ, в 5-й Гвардейской танковой армии перед началом Восточно-Прусской операции (январь 45-го года) было всего 590 танков и самоходок. (22)

Как видим, ни одна из советских танковых армий, завершивших в 1945 году «разгром фашистского зверя в его логове», не имела и половины того количества бронетехники, которое было предоставлено в распоряжение генерала Болдина в июне 1941 года!

Вся это гигантская стальная армада должна была обрушиться на пять пехотных дивизий вермахта: 162 пд и 256 пд из состава 20-го армейского корпуса и 8 пд, 28 пд и 161 пд из состава 8-го армейского корпуса. Причем реально к утру 24 июня в районе запланированного контр-удара КМГ Болдина находились только **две пехотные дивизии 20-го АК**, а три дивизии 8-го АК уже форсировали реку Неман и наступали в полосе от Гродно до Друскининкя в общем направлении на г. Лиду, продвигаясь на восток тремя почти параллельными маршрутами. (61, 78) Таким образом, КМГ при своем наступлении на север от Гродно на Меркине имела уникальную возможность уничтожать противника по частям рядом последовательных ударов во фланг и тыл.

Другими словами, в те первые дни войны сложится ситуация, **в точности соответствующая** (хотя нас всегда уверяли в противном) предвоенным расчетам советского командования:

«...по своим возможностям – по вооружению, живой силе, ударной мощи – танковый корпус соответствует пяти пехотным немецким дивизиям. А раз так, то мы вправе и обязаны возлагать на танковый корпус задачи по уничтожению 1–2 танковых дивизий или 4–5 пехотных дивизий. Я почему говорю 4–5 с такой уверенностью? Только потому, что танковый корпус в своем размахе никогда не будет драться одновременно с этими пятью развернувшимися и направившими против него огневые средства дивизиями. По-видимому, он эти 5 дивизий будет уничтожать рядом ударов одну за другой...» (14)

Это – выдержки из доклада «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции», с которым генерал армии Павлов (в то время начальник Главного автобронетанкового управления РККА, т. е. «главный танкист» Красной Армии) выступал на известном декабрьском (1940 г.) совещании высшего командного состава РККА.

Еще раз напомним, что по численности танков и личного состава КМГ Болдина примерно в полтора раза превосходила полностью укомплектованный по штатам военного времени мехкорпус (или «танковый корпус», как его называет в своем докладе Павлов), а по артиллерии – в два раза.

Так обстояло дело с количеством. Теперь постараемся оценить качество.

Главной ударной силой КМГ, да и всего Западного фронта в целом, был 6-й мехкорпус генерал-майора М.Г. Хацкилевича. Как известно, большая часть мехкорпусов Красной Армии до начала войны не успела получить даже половины положенной по штату техники. Тем более впечатляюще выглядит на этом фоне ситуация в 6-м мехкорпусе, который уже в середине июня имел танков больше, чем было запланировано на конец 1941 года! Об особом, элитном статусе 6-го МК свидетельствует и наличие на его вооружении значительного числа новейших на тот момент – безусловно лучших в мире – танков Т-34 и КВ. В большинстве источников приводится цифра **352 танка новых типов (114 КВ и 238 Т-34)**. Если эти цифры верны, то 6-го МК занимал «второе место» среди всех мехкорпусов РККА, уступая по этому показателю только 4 МК Власова, в котором числилось 416 танков новых типов. Если же верить данным монографии «1941 год – уроки и выводы», то в составе 6-го МК к началу войны было 452 новейших танка, что выводит этот мехкорпус на бесспорное «первое место» во всей Красной Армии!

Для такого разноречия в цифрах (приводимых авторами со ссылками на фонды рассекреченных военных архивов) есть очень простое объяснение. Отчетность в Красной Армии – как и в тысячах других учреждений – велась по состоянию на первое число каждого месяца. Меньшие цифры, вероятно, взяты именно из отчетов на 1 июня 1941 г. Но ведь первого июня круглосуточная работа советских военных заводов отнюдь не прекратилась, а отгрузка новейших танков с заводов в войска продолжалась и до 22 июня, и во все последующие дни. Тем более показательно, что из 138 танков Т-34, переданных промышленностью в войска с 1 по 22 июня 41-го года, в Белосток (т. е. в 6-й мехкорпус) было отправлено 114. (8)

Не будем, однако, забывать и о том, что мехкорпус – это не только танки. Для обеспечения слаженной боевой работы танковых, мотострелковых и артиллерийских подразделений, бесперебойного снабжения их боеприпасами и горючим требовались многие тысячи автомобилей и тракторов (артиллерийских тягачей). Если говорить точно, то по штату в мехкорпусе полагалось иметь 352 трактора и 5165 автомобилей.

С этой «матчастью» в Красной Армии были тогда большие проблемы. Машин нигде не хватало. Довести укомплектованность частей и соединений до штатной предполагалось только

после проведения открытой мобилизации, посредством передачи в армию из народного хозяйства 300 тысяч автомобилей и 50 тысяч тракторов. В результате «нештатной ситуации», случившейся 22 июня 41-го года, большая часть мехкорпусов вступила в войну, имея значительный (до 50–60 %) некомплект транспортных средств. Но и в этом вопросе 6-й МК был в лидерах. В корпусе было 294 трактора (почетное «второе место» среди всех мехкорпусов РККА), а по числу автомашин и мотоциклов (4779 и 1042 соответственно) 6-й МК превосходил любой другой мехкорпус. Эти данные взяты из книг современных историков (1, 3). Сам же командир корпуса генерал-майор Хацкилевича на декабрьском (1940 г.) совещании командного состава РККА приводил гораздо большие цифры: *«...мы подсчитали на наших учениях (даже когда выбрасывали по 2500 машин из боевого состава, брали самое необходимое для жизни и боя), и то у нас в прорыв идет 6800 машин, почти 7000...»*

Все это (да и сам факт выступления командира корпуса на совещании высшего состава, в присутствии наркома обороны и командующих округов) весьма красноречиво свидетельствуют о роли и месте 6-й МК в предвоенных планах советского командования.

Кстати, о месте. С лета 1940 г. и до начала войны этот один из самых мощных мехкорпусов РККА затаился в дебрях заповедных лесов восточнее Белостока. Затаился так тщательно, что хваленая немецкая авиаразведка даже не смогла установить сам факт его присутствия. Утренняя сводка штаба 9-й армии (группа армий «Центр») от 23 июня 1941 г. дословно гласит: *«...несмотря на усиленную разведку, в районе Белостока пока еще не обнаружено крупных сил кавалерии и танков...»*

Разумеется, район дислокации 6-го мехкорпуса был выбран не случайно. Даже на современных картах автомобильных дорог из Белостока (теперь это снова Польша) можно выехать только в одну сторону – на запад, по шоссе на Варшаву. Дорог на восток, в глубь Белоруссии (а следовательно – и причин ожидать здесь наступление главных сил противника) как не было в 41-м году, так нет и сейчас. Более того, из рассекреченного только в конце 80-х годов военно-исторического труда бывшего начальника штаба 4-й армии Л.М. Сандалова «Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны» (79) становится известно, что *«в марте-апреле 1941 г. в ходе окружной оперативной игры на картах в Минске прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток – Варшава... На последнюю неделю июня штаб округа подготавливал игру со штабом 4-й армии также на наступательную операцию...»* Да и к чему же еще было готовиться, если от тогдашней госграницы до Варшавы оставалось всего-то 80 км по автостраде...

Значительно хуже был укомплектован 11-й МК, но и в нем числился 31 танк новых типов (3 КВ и 28 Т-34). Таким образом, всего на вооружении КМГ Болдина было **не менее 383** новейших дизельных танков с мощным вооружением (длинноствольная 76-мм пушка пробивала лобовую броню любых немецких танков на дистанции в 1000–1200 м) и надежной бронезащитой.

Что могла противопоставить этому немецкая пехота? Почти ничего. Основным вооружением противотанкового дивизиона пехотной дивизии вермахта была 37-мм пушка, способная пробивать броню в 30–35 мм на дистанции в 500 метров. Для борьбы с легкими советскими танками БТ или Т-26 этого было вполне достаточно. Но после первых же встреч с нашими новыми танками немецкие солдаты дали своей противотанковой пушке прозвище «дверная колотушка» (смысл этого черного юмора в том, что она могла только постучать по броне советской «тридцатьчетверки»). Наклонный 45-мм броневой лист нашего Т-34 немецкая 37-мм пушка не пробивала даже при стрельбе с предельно малой дистанции в 200 метров. Ну а про возможность борьбы с тяжелым танком КВ (лобовая броня 90 мм, бортовая -75 мм) не приходится и говорить. Это 50-тонное стальное чудовище могло утюжить боевые порядки немецкой пехоты практически беспрепятственно, как на учебном полигоне.

Только летом 1940 г. немцы запустили в производство 50-мм противотанковую пушку, которая и поступила на вооружение вермахта в количестве 2 (две) штуки на пехотный полк, да и то еще не в каждой дивизии эти пушки были! Да, странно как-то на этом фоне смотрятся бесконечные причитания партийных пропагандистов о том, как «на Германию работала промышленность всей покоренной Европы», а Сталин очень верил Гитлеру и занимался сугубо «мирным созидательным трудом»...

Мало того, что военно-политическое руководство фашистской Германии не предоставило своей армии никаких средств борьбы с новыми советскими танками. Оно еще и ухитрилось не заметить сам факт их появления на вооружении РККА! Только после начала боевых действий, 25 июня 1941 г. в дневнике Ф.Гальдера (начальника штаба сухопутных войск) появляется следующая запись:

«...получены некоторые данные о новом типе русского тяжелого танка: вес – 52 тонны, бортовая броня – 8 см... 88-мм зенитная пушка, видимо, пробивает его бортовую броню (точно еще неизвестно)...получены сведения о появлении еще одного танка, вооруженного 75-мм пушкой и тремя пулеметами...» (12)

В мемуарах Гота и Гудериана первые сообщения о «сверхтяжелом русском танке» (т. е. KV) относятся только к концу июня– началу июля 1941 г.

Обсуждение вопроса о том, как военная разведка крайне агрессивного государства могла на протяжении полутора лет не замечать появления новых типов танков в серийном производстве у главного потенциального противника Германии, выходит за пределы нашей книги. Это – тема для отдельного разговора. Постарались все – и Гитлер, категорически запретивший после подписания Договора о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.) ведение разведывательной деятельности против СССР (19), и загадочный руководитель абвера адмирал Канарис (агент английской разведки по совместительству) и многие другие.

Для нашего же расследования достаточно отметить тот факт, что немецкие пехотные дивизии не только не получили средств борьбы с новыми советскими танками, но и само появление из чащи белорусских лесов огромных 50 тонных бронированных монстров должно было стать для них **страшной неожиданностью**.

Все познается в сравнении.

Каждый добросовестный школьник должен знать, что добиться успеха в Курской битве немцы надеялись, в частности, и за счет внезапного массированного применения новых тяжелых танков «тигр» и «пантера». Этот тезис неизменно присутствует в любом тексте, посвященном битве на Курской дуге, которую советские историки называли (и по сей день еще называют) «крупнейшим танковым сражением Второй мировой войны». Более того, из мемуаров немецких генералов выясняется, что и германское командование возлагало на применение новых танков огромные надежды.

Правда, вопрос о «внезапности» к лету 1943 г. был уже практически снят. Гитлер сам «наступил на горло собственной песне», приказав, несмотря на все возражения Гудериана, отправить роту первых серийных «тигров» под Ленинград. В сентябре 1942 г., в заболоченных лесах, «тигры» были введены в бой и понесли большие потери, частью увязнув в трясине. (65) Таким образом, новая техника была необратимо рассекречена.

Что же касается «массовости», то в составе всей танковой группировки немецких войск на Курской дуге (16 танковых и 6 моторизованных дивизий, три отдельных танковых батальона и отдельная танковая бригада) насчитывалось всего 147 «тигров» и 200 «Пантер».

Итого **347** танков «новых типов» из общего количества 2361 танк.

Таковыми-то силами немецкое командование планировало окружить и уничтожить советские войска в составе пятнадцати общевойсковых и трех танковых армий (а также четырнадцати отдельных корпусов) на фронте в 550 км (ВИЖ, 1993, № 7)

Перед КМГ Болдина, в составе которой было полторы тысячи танков и бронемашин, в том числе **383** танка «новых типов» (Т-34 и КВ), стояла задача совсем другого, гораздо более скромного масштаба: нанести короткий (два-три дня во времени и 80–90 км в пространстве) удар по пехоте противника, а затем отойти в резерв командующего фронтом.

Эффект внезапности – важнейшее на войне условие успеха – усиливался еще и тем, что своевременно выявить факт сосредоточения в районе Белостока мощной ударной группировки немецкая разведка также не смогла. Только вечером 23 июня, в донесении отдела разведки и контрразведки штаба 9-й армии вермахта, отмечено «*появление в районе южнее Гродно 1-й и 2-й мотомехбригад*» (61).

Что сие означает? Никаких «мехбригад» в составе Западного фронта не было, среди шести танковых и моторизованных дивизий КМГ Болдина не было ни одной с номерами 1 или 2. Ясно только то, что в конце концов немцы не увидели движения огромных танковых колонн, но произошло это уже буквально за считанные часы до начала контрнаступления советских войск.

Но «разгром немецко-фашистских войск под Гродно и Вильнюсом» так и не состоялся.

Без свидетелей

По большому счету, вообще ничего не состоялось. *«...вследствие разбросанности соединений, неустойчивости управления, мощного воздействия авиации противника сосредоточить контрударную группировку в назначенное время не удалось. Конечные цели контрудара (уничтожить сувалкинскую группировку противника и овладеть Сувалками) не были достигнуты, имелись большие потери...»*

Вот дословно все, что сказано о ходе и результате контрудара КМГ Болдина в самом солидном историческом исследовании последнего десятилетия – в многократно упомянутой выше монографии «1941 год – уроки и выводы».

За фразой о «больших потерях» скрывается тот факт, что все три соединения, принявшие участие в контрударе КМГ Болдина (6-й и 11-й МК, 6-й КК) были полностью разгромлены, вся боевая техника брошена в лесах и на дорогах, большая часть личного состава оказалась в плену или погибла, немногие уцелевшие в течение нескольких недель и месяцев выбирались мелкими группами из окружения и вышли к своим уже тогда, когда линия фронта откатилась к Ржеву и Вязьме.

В предыдущих основополагающих трудах советских историков (12-ти томной «Истории Второй мировой войны» и 6-ти томной «Истории Великой Отечественной войны») и вовсе не было ничего, кроме невнятной констатации того факта, что контрудары советских войск, предусмотренные Директивой № 3, оказались безрезультатными.

В опубликованных в последние годы документах начала войны невозможно найти ничего более внятного, чем тексты таких вот приказов, которые летели из штаба Западного фронта: *«...почему мехкорпус (имеется в виду 6-й МК) не наступает, кто виноват? Немедля активизируйте действия, не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления... Почему вы не даете задачу на атаку мехкорпусов...»* (40)

В широко известных, ставших уже классикой военно-исторических трудах немецких генералов (Типпельскирха, Бутлара, Блюментрита) о контрударе советских войск в районе Гродно – ни слова.

В мемуарах Г. Гота («Танковые операции») мы не находим никаких упоминаний о наступлении Красной Армии в районе Гродно. Похоже, командующий 3-й танковой группы вермахта так никогда и не узнал о том, что во фланг и тыл его войск нацеливалась огромная танковая группировка противника.

В хрестоматийно известном «Военном дневнике» Ф. Гальдера некое упоминание о действиях группы Болдина появляется только в записях от 25 июня 1941 г.:

«...русские, окруженные в районе Белостока, ведут атаки, пытаются прорваться из окружения на север в направлении Гродно... довольно серьезные осложнения на фронте 8-го армейского корпуса, где крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг корпуса...»

Но уже вечером того же дня (запись 18.00) Гальдер с удовлетворением констатирует: *«...Положение южнее Гродно стабилизировалось. Атаки противника отбиты...»*

В дальнейшем к описанию этих событий Гальдер нигде не возвращается, да и описание это выглядит достаточно странно – все же главной ударной силой КМГ были отнюдь не «крупные массы кавалерии», а два мехкорпуса. А вот про «серьезных осложнения» на фронте 20-го армейского корпуса, который должен был первым встретиться с наступающими советскими танками, Гальдер вообще ничего не говорит...

Если бы мы писали фантастический роман, то сейчас самое время было бы рассказать о том, как из мрачной бездны белорусских болот поднялось НЕЧТО и поглотило без следа

огромную бронированную армаду. Но жанр этой книги – документальное историческое расследование, и списать разгром на «нечистую силу» нам никак не удастся.

Да и пропала КМГ Болдина отнюдь не бесследно.

По рассказам местных жителей, собранным энтузиастами из минского поискового объединения «Батьковщина», *«в конце июня 1941 район шоссе Волковыск – Слоним было завалено брошенными танками, сгоревшими автомашинами, разбитыми пушками так, что прямое и объездное движение на транспорте было невозможно... Колонны пленных достигали 10 км в длину...»* (8).

Фраза о многокилометровых колоннах пленных может показаться кому-то обычным преувеличением людей, ставших очевидцами гигантской катастрофы. Увы. Даже по данным вполне консервативного (в хорошем смысле этого слова) исследования современных российских военных историков («Гриф секретности снят»), безвозвратные потери Западного фронта за первые 17 дней войны составили 341 тысячу человек, из которых не менее 60 %, т. е. порядка **200 тысяч человек, оказалось в плену**. Стоит отметить, что эти цифры вполне совпадают с давно известными немецкими сводками, в соответствии с которыми в ходе сражения в районе Минск – Белосток вермахт захватил 288 тысяч пленных. (ВИЖ, 1989, № 9)

Пролить свет на причины разгрома КМГ могли бы мемуары советских генералов – да только мало кому удалось их написать.

Командир 6-го кавкорпуса генерал-майор И.С. Никитин попал в плен и был расстрелян немцами в концлагере в апреле 1942 года. (20, 124)

Командир 36-й кавдивизии 6-го кавкорпуса, генерал-майор Е.С. Зыбин попал в плен, где активно сотрудничал с фашистами. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян 25 августа 1946 года. Он не реабилитирован и по сей день. (20, 124)

Командир 6-го мехкорпуса Хацкилевич погиб 25 июня. Обстоятельства его гибели по сей день неизвестны. Несколько дней спустя у местечка Клепачи Слонимского района была подбита бронемашина, на которой офицеры штаба 6-го мехкорпуса пытались вывезти тело погибшего командира. При этом был смертельно ранен начальник артиллерии корпуса генерал-майор А.С. Митрофанов. (8)

Командир 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор А.Г. Потатурчев попал в плен, после освобождения из концлагеря в Дахау был арестован органами НКВД и умер в тюрьме в июле 1947 года. Посмертно реабилитирован в 1953 году. (20, 124)

Командир 29-й моторизованной дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор И.П. Бикжанов попал в плен, после освобождения до декабря 1945 г. «проходил спецпроверку в органах НКВД». В апреле 1950 году уволен в отставку «по болезни». Дожил до 93 лет, но мемуаров не печатал. (20, 124)

Смогли выйти из окружения после разгрома КМГ, но вскоре погибли в боях командир 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор С.В. Борзилов и командир 29-й танковой дивизии 11-го мехкорпуса полковник Н.П. Студнев. (8)

Попали в плен и погибли в гитлеровских концлагерях заместитель командира 11-го мехкорпуса и начальник артиллерии 11-го мехкорпуса генерал-майоры П.Г. Макаров и Н.М. Старостин. (20, 124)

Командир 204-й моторизованной дивизии 11-го мехкорпуса полковник А.М. Пиров пропал без вести. (8)

Ну а судьба высшего командования Западного фронта была еще более трагична.

Командующий Западным фронтом, герой обороны Мадрида и прорыва «линии Маннергейма» генерал армии Павлов 4 июля был арестован и 22 июля 41-го года, ровно через месяц после начала войны (любил, любил товарищ Сталин театральные эффекты) приговорен к расстрелу.

По тому же «делу», за «трусость, бездействие и паникерство, создавшие возможность прорыва фронта противником» (67, 81), были расстреляны:

- начальник штаба фронта В.Е. Климовских;
- начальник связи фронта А.Т. Григорьев;
- начальник артиллерии фронта Н.А. Клич;
- командующий 4-й армией Западного фронта А.А. Коробков;
- заместитель командующего ВВС фронта Таюрский.

Командующий ВВС Западного фронта, Герой Советского Союза, ветеран боев в Испании генерал-майор И.И. Копец застрелился сам, в первый день войны, 22 июня 1941 г.

Внимательный читатель наверняка уже заметил отсутствие в этом скорбном списке расстрелянных генералов одной фамилии.

А ведь это действительно очень странно. И по воинскому званию (генерал-лейтенант), и по занимаемой должности (зам командующего фронтом) И.В. Болдин стоял выше всех репрессированных, за исключением самого Павлова, конечно. И если все командование фронта было повинно в «преступном бездействии и развале управления войсками», то как же смог остаться безнаказанным руководитель главной ударной группировки Западного фронта?

Оправдаться неопытностью Болдин никак не мог. В его послужном списке было уже два «освободительных похода» – в Польшу (сентябрь 1939 г.) и в Бессарабию (июнь 1940 г.).

Причем во время вторжения в Польшу в сентябре 1939 г. комкор Болдин командовал конно-механизированной группой Белорусского фронта, которая вела наступление по линии Слоним – Волковыск и после ожесточенного боя 20–21 сентября штурмом взяла г. Гродно. Так что для Болдина начало войны складывалось как в песне: «По дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем...»

Скорее всего, разгадка счастливой судьбы Болдина очень проста. Своевременно вызвать его на расстрел чекисты просто не смогли – с конца июня по начало августа он находился в окружении и был для них недоступен. Ну а в августе 41-го, после разгрома большей части кадровой армии, после пленения десятков генералов (всего за шесть месяцев 41-го года в немецком плену оказалось 63 генерала) Сталин стал более сдержан в расстрелах оставшихся в строю командиров. Более того, после выхода из окружения Болдин был отмечен добрым словом в приказе Верховного, повышен в звании и назначен командующим 50-й армией (вскоре разгромленной под Брянском)

Тяжелейший психический стресс не прошел бесследно. Главный мотив мемуаров Болдина – тупой и бездушный солдафон Павлов все испортил: «...*Отойдя от аппарата, я подумал: как далеко Павлов от действительности! У нас было мало сил, чтобы контратаковать противника... Но что делать? Приказ есть приказ! Много лет спустя, уже после войны, мне стало известно, что Павлов давал моей несуществующей (по чьей вине «несуществующей»? – М.С.) ударной группе одно боевое распоряжение за другим.*

Зачем понадобилось Павлову издавать эти распоряжения? Кому он направлял их? (похоже, Болдин так и не понял, что задача, которую он с позором провалил, была поставлена именно перед ним) Возможно, они служили только для того, чтобы создавать перед Москвой видимость, будто на Западном фронте предпринимаются какие-то меры для противодействия наступающему врагу...»

Но и это еще «цветочки». В очень серьезном документе, в докладной записке, поданной в ходе реабилитации Павлова и его «подельников» в июле 1957 года, Болдин (к тому времени уже генерал-полковник) написал дословно следующее:

«...Павлов виноват в том, что просил Сталина о назначении на должность командующего войсками округа, зная о том, что с начала войны

он будет командующим войсками фронта. Павлов, имея слабую оперативную подготовку, не мог быть командующим войсками фронта... Начальник штаба фронта Климовских виноват в том, что попал под влияние Павлова и превратился в порученца Павлова...» (81, стр. 194)

О том, кто же обладал «неслабой оперативной подготовкой», Болдин скромно промолчал.

Многое становится понятней, если вспомнить о том, что до назначения на должность заместителя командующего Западным особым военным округом Болдин был командующим войсками Одесского военного округа. Согласитесь, быть первым руководителем в Одессе и стать замом в Минске – это две большие разницы...

Вообще-то, самым старшим по званию и должности полководцем, руководившим контрударом конно-механизированной группы Западного фронта был не Болдин, а Кулик. Кулик – это не птица, а большой человек. Крупный такой военачальник...

«...в глубине кабинета открылась дверь, и в нее ввалился маршал Кулик – солидной величины человек. Его лицо было буро-красным и довольно внушительным по своему размеру... Речь его состояла из каких-то совершенно не связанных между собой и бессмысленных в отдельности фраз. Это была чистейшей воды ахинея, бред полупьяного. Самое страшное, что перед командирами стоял не только маршал, но и заместитель наркома обороны СССР...» (163)

24 июня 1941 года маршал Кулик прибыл в штаб КМГ Болдина в качестве полномочного представителя Ставки на Западном фронте.

«...маршал Кулик приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переоделся... Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы. Однако, кроме его адъютанта, никто документов и оружия не бросил...»

Вот так, коротко и ясно, выглядит в донесении начальника 3-го отдела (т. е. контрразведки) 10-й армии руководящая роль заместителя наркома обороны в боевых действиях Западного фронта. (ВИЖ, 1993, № 12) За все это Григория Ивановича только поругали. Даже маршальские звезды, выброшенные им в кустах, вернули.

2 сентября 1941 г. Кулика назначили командующим отдельной 54-й армии, которой было поручено деблокировать Ленинград. 12 сентября в помощь Кулику прислали еще одного маршала – Клим Ворошилова. Четыре дня спустя Ставка напомнила Кулику, что «*новые дивизии и бригада даются Вам не для взятия станции Мга, а для развития успеха после взятия станции. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды*» (5, стр.194).

Еще через четыре дня (24 сентября 1941 г.) в штаб 54-й армии пришла Директива Ставки № 002288: «*В третий раз Ставка ВГК приказывает Вам принять все меры к незамедлительному занятию Синявино и соединению с ленинградскими войсками. Личная ответственность за выполнение этого возлагается на Маршала Кулика...*» Впрочем, личная ответственность свелась лишь к тому, что 26 сентября 41-го года. Сталин приказал «*командующего 54-й армией маршала Кулика отозвать в распоряжение Ставки*».

На этом биография полководца Кулика еще не закончилась. 8 ноября 1941 г. он был командирован для укрепления обороны Керчи – последнего оставшегося в наших руках клочка земли Крыма. Прибыв на Кубань в качестве полномочного представителя Ставки (и отметившись, будем справедливы, двухчасовым визитом в Керчь) Кулик серьезно занялся вопросами продовольственного снабжения. Самого себя. Самые скоропортящиеся деликатесы были

отправлены молодой, четвертой по счету, жене «красного маршала» военно-транспортным самолетом, все остальное (в том числе 50 кг сала, 200 бутылок коньяка, 40 ящиков мандарин, 20 кг икры паюсной) было загружено в спецвагон и отправлено в Москву. (81, стр. 238)

В феврале 1942 г. за это мародерство в зоне боевых действий Кулика отдали первый раз под суд и примерно наказали: понизили в воинском звании с маршала до генерал-майора, сняли с поста замнаркома и вывели из ЦК. В партии коммунистов – борцов за всеобщее равенство и братство – пока еще оставили.

Весной 1943 года Кулик опять всплыл. За неведомые заслуги его повысили в звании и даже дали покомандовать 4-й Гвардейской армией. Покомандовал... Пришлось вскоре снять и отправить от греха подальше на должность заместителя начальника Главного управления формирования РККА.

В апреле 1945 г. за развал боевой подготовки в запасных воинских частях и «бытовое разложение» (т. е. за систематическое пьянство и б...) сняли и с этой работы, снова понизили в звании до генерал-майора. Но все еще не стреляли.

Второй, последний и окончательный приговор был приведен в исполнение только 24 августа 1950 г. После того как Военная коллегия Верховного суда установила, что в пьяных разговорах товарищ Кулик частенько поругивал ту партию, которая вознесла и столько лет держала это ничтожество на вершинах власти. Вот такого товарищ Сталин никому не прощал. Даже своим выдвиженцам.

Невероятно, но и на этом удивительная биография Кулика все еще не заканчивается! В апреле 1956 г. его реабилитировали, а в 1957 году, не без ведома старого его товарища, всесильного тогда министра обороны СССР Жукова, даже «восстановили» в звании Маршала Советского Союза!

Кавычки при слове «восстановили» стоят не случайно. На момент второго ареста Кулик был генерал-майором, так что правильное было бы говорить об уникальном, единственном в своем роде случае посмертного (!) повышения в звании, да еще на целых четыре ступени...

Строго говоря, уже одно только наличие присутствия таких военачальников, как Кулик и Болдин, могло обречь войска на небывалый разгром. В поисках других причин обратимся (за неимением лучших источников) к воспоминаниям немногих уцелевших.

Анатомия катастрофы

Болдин – незаурядный мемуарист. У него прекрасная, цепкая память, сохраняющая даже самые малозначимые подробности. Вот, описывая свой первый день на войне, он вспоминает и удушливую жару, и то, что вода во фляжке была теплой и не освежала пересохшее горло. Самым подробным образом, на десятках страниц описывает Болдин историю своих блужданий по лесам в окружении.

А вот о главном – о подготовке, проведении и результатах контрудара – говорится очень кратко и скупно.

Итак, **первый день** войны, вечер 22 июня.

«... Командующий 10-й армией склоняется над картой, тяжело вздыхает, потом говорит:

– С чем воевать? Почти вся наша авиация и зенитная артиллерия разбиты. Боеприпасов мало. На исходе горючее для танков... Уже в первые часы нападения авиация противника произвела налеты на наши склады с горючим. Они и до сих пор горят. На железнодорожных магистралях цистерны с горючим тоже уничтожены...

...на КП прибыл командир 6-го кавалерийского корпуса генерал-майор И.С. Никитин. Вид у него озабоченный.

– Как дела? – спрашиваю кавалериста.

– Плохи, товарищ генерал. Шестая дивизия разгромлена...

– Остатки дивизии где?

– Приказал сосредоточить в лесу северо-восточнее Белостока».

Без лишних комментариев сравним этот абзац с отрывком из воспоминаний начальника штаба 94-го кавполка той самой «разгромленной» 6-й кавдивизии В.А. Гречаниченко. (83)

«...примерно в 10 часов 22 июня мы вошли в соприкосновение с противником. Завязалась перестрелка. Попытка немцев с ходу прорваться к Ломже была отбита. Правее оборону держал 48 кавалерийский полк. В 23 часа 30 минут 22 июня по приказу командира корпуса генерал-майора И.С. Никитина части дивизии двумя колоннами форсированным маршем направились к Белостоку... К 17 часам 23 июня дивизия сконцентрировалась в лесном массиве в 2 километрах севернее Белостока...»

Второй день войны, 23 июня 1941 г.: «...к рассвету штабы 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов обосновались на новом месте в лесу в пятнадцати километрах северо-восточнее Белостока. Этот живописный лесной уголок стал и моим командным пунктом...» Так точно. И в протоколе допроса Павлова есть подтверждение того, что все штабы, и без того уже находившиеся далеко от места боев (расстояние от Белостока до тогдашней границы составляет 100 км), ушли еще дальше:

«...во второй день части 10-й армии, кроме штаба армии, остались на своих местах. Штаб армии сменил командный пункт, отойдя восточнее Белостока в район Валпы...» (67)

Чем же занимались наши генералы, собравшиеся в живописном лесном уголке?

«Время уходит, а мне так и не удастся выполнить приказ Павлова о создании ударной конно-механизированной группы. Самое неприятное (так в тексте. – М.С.) в том, что я не знаю, где находится 11-й мехкорпус генерала

Д.К. Мостовенко. У нас нет связи ни с ним, ни с 3-й армией, в которую он входит...»

Потрясающее признание. Как заместитель командующего округом мог не знать района дислокации мехкорпуса? Мехкорпус – это не иголка в стоге сена. Их во всем округе было всего лишь шесть, а если не брать в расчет 17-й и 20-й МК, формирование которых только начиналось, то реально боеспособных мехкорпусов было ровно четыре.

Придется напомнить, что штаб 11-го мехкорпуса и 204-я мотодивизия дислоцировались в Волковыске (85 км восточнее Белостока), 29-я танковая дивизия – в Гродно (75 км северо-восточнее Белостока), а 33-я танковая дивизия – в районе местечка Индура (18 км южнее Гродно).

Другими словами, от «живописного лесного уголка в 15 км северо-восточное Белостока», в котором затаились Болдин с Никитиным, до дивизий 11-го мехкорпуса было примерно 60–70 километров. Но преодолеть это расстояние так и не удалось.

Вплоть до окончательного разгрома, произошедшего 26–27 июня, Болдин не только ни разу не был в распоряжение вверенных ему войск, но даже не смог установить какую-либо связь с 11-м мехкорпусом. На всякий случай напомним внимательному читателю, что в составе КМГ Болдина было два эскадрона связи, конный дивизион связи, три корпусные авиаэскадрильи и восемь (!) отдельных батальонов связи.

Для самых дотошных можно указать и их номера: 4-й, 7-й, 124-й, 185-й обс в составе 6-го мехкорпуса и 29-й, 33-й, 583-й и 456-й обс в составе 11-го мехкорпуса. (8)

«...в довершение бед на рассвете вражеские бомбардировщики застigli на марше 36-ю кавалерийскую дивизию (ту самую, командир которой перешел на службу к немцам) и расстрепали ее. Так что о контрударе теперь не может быть и речи... я сидел в палатке, обуреваемый мрачными мыслями...» (80)

Разумеется, Болдин нигде ни словом не обмолвился о том, какие конкретно силы и средства были включены в состав конно-механизированной группы, в какой группировке и с какими силами наступал противник, так что фраза о том, что «растрепанность» одной кавдивизии сделала контрудар советских войск «совершенно невозможным», не казалась читателям такой абсурдной, какой она является на самом деле.

А внимательный читатель наверняка уже заметил очень странную хронологию событий: по версии Болдина 22 июня была «разгромлена» 6-я кавдивизия, на рассвете 23 июня «расстрепана» 36-я, других кавалерийских частей в составе КМГ просто не было, и вдруг после этого, 25 июня начальник штаба сухопутных войск вермахта отмечает в своем дневнике, что в районе Гродно «крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг 8-го корпуса»?!

Да, трудно полководцу водить войска, если он сидит в живописном лесу, за десятки километров от поля боя, заменив разведку слухами и мрачными мыслями...

«...позвонил Хацкилевич, находившийся в частях.

– Товарищ генерал, – донесся его взволнованный голос, – кончаются горючее и боеприпасы.

– Слышишь меня, товарищ Хацкилевич, – надрывал я голос, стараясь перекричать страшный гул летавших над нами вражеских самолетов. – Держись! Немедленно приму все меры для оказания помощи.

Никакой связи со штабом фронта у нас нет. Поэтому я тут же после разговора с Хацкилевичем послал в Минск самолетом письмо, в котором просил срочно организовать переброску горючего и боеприпасов по воздуху...» (80)

Многоточие не должно смущать читателя. Мы ничего не упустили. Именно этим – посылкой письма в Минск – и ограничились «все меры», принятые первым заместителем командующего фронта.

Третий день войны.

«...фактически находимся в тылу у противника. Со многими частями 10-й армии потеряна связь, мало боеприпасов и полностью отсутствует горючее... из Минска по-прежнему никаких сведений... Противник все насаждает. Мы ведем бой в окружении. А сил у нас все меньше. Танкисты заняли оборону в десятикилометровой полосе. В трех километрах за ними наш командный пункт...»

И наконец, пятый день войны.

«На пятые сутки войны, не имея боеприпасов, войска вынуждены были отступить и разрозненными группами разбрелись по лесам» (80).

«Разрозненными группами разбрелись по лесам» – признаться, не каждый советский генерал в своих мемуарах оказался способен на такую откровенность.

Вот, собственно, и все, что можно узнать об обстоятельствах разгрома из воспоминаний Болдина.

Перед нами стандартный набор предписанных советской исторической науке «обстоятельств непреодолимой силы»: не было связи, не было горючего, кончились боеприпасы.

Почему нет связи – вражеские диверсанты все провода перерезали.

Куда делось горючее – немецкая авиация все склады разбомбила.

Почему снаряды не подвезли – так письмо же до Минска не долетело...

Ненужные, мешающие усвоению единственно верной истины подробности – сколько было проводов, сколько было диверсантов, какой запас хода на одной заправке был у советских танков, сколько снарядов входит в один возимый боекомплект, какими силами немецкая авиация могла разбомбить «все склады» и сколько этих самых складов было в одном только ЗапОВО – отброшены за ненадобностью. Отброшена за ненадобностью и та простая и бесспорная, истина, что Вооруженные Силы как раз и создаются для того, чтобы действовать в условиях противодействия противника.

Что же это за армия такая, если она способна воевать только тогда, когда противник ей не мешает?

Пожалуй, самое интересное и ценное в мемуарах Болдина – **это то, чего в них нет.**

А для того чтобы увидеть, то чего нет, откроем мемуары другого генерала, который в эти же самые дни июня 41-го руководил действиями крупного мотомеханизированного соединения.

Итак, Г. Гудериан, «Воспоминания солдата»:

«...22 июня в 6 час 50 мин я переправился на штурмовой лодке через Буг... двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через реку Лесна... при моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны... в течение всей первой половины дня 22 июня я сопровождал 18-ю тд...»

«...23 июня в 4 час.10 мин. я оставил свой командный пункт и направился в 12-й армейский корпус, из этого корпуса я поехал в 47-й танковый корпус, в деревню Бильдейки в 23 км восточнее Брест-Литовска. Затем я направился в 17-ю танковую дивизию, в которую и прибыл в 8 часов... Потом я поехал в Пружаны (70 км на северо-восток от границы. – М.С.), куда был переброшен командный пункт танковой группы...»

...24 июня в 8 час 25 мин я оставил свой командный пункт и поехал по направлению к Слониму (это еще на 80 км в глубь советской территории. – М.С.)... по дороге я наткнулся на русскую пехоту, державшую под огнем шоссе... я вынужден был вмешаться и огнем пулемета из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции...

... в 11 час 30 мин я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный на западной окраине Слонима (т. е. уже в глубоком тылу 10-й армии и КМГ Болдина. – М.С.), где, кроме командира дивизии, я встретил командира 47-го корпуса...» (65)

«Где, кроме командира дивизии, я встретил командира танкового корпуса...»

И происходит эта встреча трех генералов на полевом КП, в сотне метров от линии огня. Вот и вся разгадка того, **почему Красная Армия на собственной территории оказалась «без связи», а немецкая армия на нашей территории – со связью.**

Партийные историки десятки лет объясняли нам, что связь на войне обеспечивается проводами и радиостанциями (которых в 41-м году якобы не было). А Гудериан просто и доходчиво показывает, что **проблема связи и управления войсками решается не проводами, а людьми!**

Командиру передовой 17-й танковой дивизии вермахта никуда не надо было звонить. Его непосредственный начальник – командир 47-го танкового корпуса – вместе с ним на одном командном пункте лично руководит боем, а самый среди них главный начальник – командующий танковой группы – по несколько раз за день, под огнем противника на танке прорывается в каждую из своих дивизий. И если бы Гудериан предложил им засесть на пару дней в «живописном лесном уголке» и посылать оттуда «письма самолетом в Берлин», то в лучшем случае они бы восприняли это как шутку – глупую и неуместную на войне.

И это вовсе не злобное брюзжание дилетанта. Генерал-полковник Сандалов в своей книге воспоминаний (82) приводит такое высказывание члена Военного совета 4-й армии:

«...вновь заговорил Шлыков: огромным злом является отрыв крупных штабов от войск. Это приводит к потере управления боем... штаб фронта находится где-то в районе Минска, более чем за триста километров от передовых войск. Штабы армий, чтобы не потерять связь (???). – М.С.) с ним, тоже располагаются в глубине, местами более чем на пятьдесят километров от линии фронта... А куда это, к черту, годится!...» Золотые слова. Правда, из дальнейшего текста воспоминаний Сандалова следует, что уже через несколько часов после этого разговора штаб армии в очередной раз перебазировался на восток. Ну а штаб Павлова уже 26 июня оказался под Могилевым – в 500 км от границы!

Что же касается проводов, то с ними на Западном фронте было не так уж и плохо. Согласно докладной записке начальника штаба фронта генерал-майора Климовских от 19 июня 1941 г., в распоряжении службы связи округа было 117 000 изоляторов, 78 000 крюков и 261 тонна проводов. (2, стр. 44)

В качестве иллюстрации к вопросу о реальной технической оснащенности Красной Армии можно привести один из многочисленных приговоров военного трибунала Западного фронта. Так, 15 сентября 1941 г. бывший командир 162-й сд полковник Колкунов был обвинен в том, что он *«13 июля 1941 г. в момент выхода дивизии из окружения противника, вследствие трусости, отдал приказание зарыть в землю имущество связи, а именно:*

- 1. 3 рации – РСБ, 5АК, 6ПК;*
- 2. 2 приемника КУБ-4;*
- 3. 28 телефонных аппаратов УНА-И, УПР;*
- 4. 4 коммутатора – Р-20, МБ-30, КОФ;*
- 5. 2 номерника – 12Х2;*
- 6. 23 килограмма кабеля однопроводного;*

7. 8 килограммов кабеля двухпроводного;
8. 2 аппарата Морзе» (68).

И это в одной обычной стрелковой дивизии. Разгромленной и отступающей.

В большой статье с красноречивым названием «Истоки поражения в Белоруссии» (78) автор с горестным вздыханием сообщает читателям, что обеспеченность войск ЗапОВО средствами радиосвязи была очень, очень низкой: «полковыми радиостанциями – на 41 %, батальонными – на 58 %, ротными – на 70 %».

Как это принято у нас, мешающие правильному воспитательному процессу факты – а сколько это в штуках на один полк или стрелковую роту – пропущены. Постараемся восполнить это досадное упущение. По штатному расписанию стрелковой дивизии от апреля 1941 г. в одном гаубичном артполку должно было быть **37 радиостанций** (на 36 гаубиц), в артиллерийском полку – **25 радиостанций** (на 24 пушки), **3 радиостанции** в стрелковом полку и по **5 радиостанций** в каждом стрелковом батальоне. Оцените и это словосочетание: «ротная радиостанция». Разве не говорит оно о высочайшем (для первой половины XX века) уровне технической оснащенности сталинской армии?

К слову говоря, в распоряжение танковых групп вермахта было выделено всего по одной роте диверсантов из состава пресловутого полка особого назначения «Бранденбург». В составе роты было 2 офицера, 220 унтер-офицеров и рядовых, в том числе 20–30 человек со знанием русского языка (ВИЖ, 1989, № 5). И такими-то силами немцы, как утверждает Болдин, уже ранним утром 22 июня 1941 г. «на протяжении пятидесяти километров повалили все телеграфные и телефонные столбы» – и это только в полосе одной 3-й армии!

На этом закроем (пока) книжку Болдина. Мы не станем обсуждать его полководческий талант, мы не смеем упрекнуть его в отсутствии личного мужества, но выступать в качестве свидетеля разгрома конно-механизированной группы Западного фронта генерал Болдин не может. Его там (на месте разгрома) просто не было.

К сожалению, и от реальных свидетелей трудно добиться внятного изложения если даже и не причин, то хотя бы обстоятельств катастрофы.

Возьмем воспоминания В.А. Гречаниченко (начштаба 94-го кавполка 6-й кавдивизии). Они полны живых, непридуманных картин страшного разгрома. Вот как описывает он то, что Болдин кратко обозначил словами «на пятые сутки войны, не имея боеприпасов, войска разрозненными группами разбрелись по лесам»:

«...Мимо сплошным потоком двигались автомашины, трактора (как видно, не все горючее сгорело на разбомбленных немцами складах. – М.С.), повозки, переполненные народом. Мы пытались останавливать военных, ехавших и шедших вместе с беженцами. Но никто ничего не желал слушать. Иногда в ответ на наши требования раздавались выстрелы (т. е. боеприпасы тоже еще оставались – для стрельбы по своим. – М.С.). Все уже утверждали, что занят Слоним, что впереди высадились немецкие десанты, заслоны прорвавшихся танков, что обороняться здесь не имеет никакого смысла. 28 июня, как только взошло солнце, вражеская авиация начала повальную обработку берегов Роси и района Волковыска. По существу, в этот день окончательно перестали существовать как воинские формирования соединения и части 10-й армии. Все перемешалось и валом катилось на восток...

...когда наша небольшая группа во второй половине дня 30 июня вышла к старой границе, здесь царил такой же хаос, как и на берегах Роси. Все перелески были забиты машинами, повозками, госпиталями, беженцами, разрозненными подразделениями и группами наших войск...» (83)

Но вот узнать, как и почему дошла наша армия до такого состояния, из мемуаров Гречаниченко трудно. Из его описания видно как в первые дни войны его полк безостановочно и хаотично движется по лесным дорогам; в тексте мелькают названия неизвестных польско-белорусских местечек: Сокулка, Крынки, Берестовицы, Сидра...

Первое соприкосновение с противником происходит только вечером 24-го:

«...в 21 час 24 июня эскадрон вошел в соприкосновение с противником в долине реки Бебжа южнее Сидры. Командир полка для поддержки головного отряда ввел в бой артиллерию. Противник не выдержал натиска и отошел за реку...» Здесь нет преувеличения. Именно в этот день, 24 июня в дневнике Гальдера и появляется запись о «довольно серьезных осложнениях, возникших на фронте 8-го армейского корпуса, где крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг корпуса».

Кстати. Об использовании кавалерии, да еще и среди белорусских болот, наши партийные «историки» рассуждали с горестным покачиванием головы, как о примере вопиющей отсталости Красной Армии и ее полной неготовности к ведению современной войны. Да вот незадача: в составе самой мощной, 2-й танковой группы вермахта, руководимой совсем даже не «отсталым» Гудерианом, тоже была кавалерийская дивизия! Причем поставил ее Гудериан почему-то на свой правый (южный то есть) фланг, в самую трясиину болот Полесья.

Уж как только не «боролись» с этой дивизией советские историки и мемуаристы! Болдин в своих воспоминаниях дошел до того, что поменял седла на парашюты и сообщил читателям о наличии в составе немецкой группы армий «Центр» не кавалерийской, а... «десантной» дивизии!

А ведь ларчик-то открывается очень просто.

Ни Гудериан, ни Павлов не собирались атаковать конной лавой по болоту. Лошадь в кавдивизиях Второй мировой войны выполняла роль **транспортного средства**, повышающего подвижность соединения (в сравнении с обычной пехотой) во много раз. А непосредственно в бой и немецкие и советские кавалерийцы шли, как правило, в пешем строю.

Конечно, никакая лошадь не может соревноваться с мотором в способности к непрерывному, многочасовому и многодневному движению. Поэтому, после того как друг Рузвельт подарил товарищу Сталину без малого полмиллиона трехосных «Студебекеров» с их фантастической надежностью и проходимостью, эра кавалерии в Красной Армии закончилась.

Хотя и не вдруг и не сразу. Так, еще в июле 1944 г. в составе 1-го Украинского фронта для наступления на Львов – Сандомир были созданы две конно-механизированные группы под командованием генерал-лейтенантов С.В. Соколова и В.К. Баранова, и даже в освобождении Праги в мае 1945 г. приняли участие девять (!) кавалерийских дивизий. Ну а летом 1941 года ни у нас, ни у немцев еще не было достаточного количества автомашин повышенной проходимости, способных перемещать стрелковые подразделения по извилистым лесным дорогам вслед за наступающими танками, и наличие крупных сил кавалерии было **одним из значимых преимуществ** Красной Армии.

На практике эта очевидная «теория» выглядела так:

«...моторизованным соединениям предстояло в этот день продвигаться по холмистой песчаной местности, покрытой густым девственным лесом. Движение по ней (особенно автомашин французского производства) было почти невозможно... Машины все время застревали и останавливали всю следующую за ними колонну, так как возможность объезда на лесных дорогах полностью исключалась... Пехотинцы и артиллеристы вынуждены были все время вытаскивать застрявшие машины... Для командования было настоящим мучением видеть, как задыхаются его «подвижные» войска...»

Так командующий 3-й танковой группы вермахта Г. Гот описывает в своих мемуарах события 23 июня 1941 г. За весь этот день, практически не вступая в бой, его моторизованные дивизии прошли не более 50–60 км.

«Расстояние в 75 километров мы прошли без привалов. В порядок маршевые колонны приводили себя на ходу. Было не до передыху. Уже к 17 часам 23 июня дивизия сконцентрировалась в лесном массиве в 2 километрах севернее Белостока... День клонился уже к вечеру, когда мы получили приказ двигаться далее в направлении Сокулки. Марш-бросок на 35 километров совершили быстро...»

А это – строки из воспоминаний Гречаниченко. Нетрудно убедиться, что в лесной глухомани западной Белоруссии советская кавалерия по своей подвижности, как минимум, не уступала немецкой мотопехоте.

К тому же «конармейские наши клинки» давно уже перестали служить главным оружием красной кавалерии. Некоторое представление о структуре и вооружении кавкорпуса Красной Армии образца 1941 г. можно получить, например, из мемуаров легендарного полководца Великой Отечественной генерала П.А. Белова (в первые месяцы войны он командовал 2-м кавкорпусом, развернутым на Южном фронте, в Молдавии):

«...Для управления войсками имелся небольшой подвижный штаб, передвигавшийся верхом или на автомашинах, авиазвено связи, дивизион связи и комендантский эскадрон. Тыловых учреждений в корпусе не было.

Каждая из двух кавалерийских дивизий состояла из четырех кавалерийских полков, танкового полка, артиллерийского дивизиона и 76-мм зенитно-артиллерийского дивизиона, эскадрона связи и саперного эскадрона с инженерно-переправочным парком.

В кавалерийском полку... имелись пулеметный эскадрон с 16 пулеметами на тачанках, батарея 76-мм облегченных полковых пушек и спецподразделения.

В танковом полку насчитывалось около 50 танков БТ и 10 бронепоездов.

В конно-артиллерийском дивизионе была батарея 120-мм гаубиц и три батареи 76-мм пушек.

ПВО корпуса составляли хорошо обученные 76-мм зенитные дивизионы кавалерийских дивизий и взводы счетверенных пулеметов в полках...»

Согласитесь, на фоне этих фактов как-то совсем по-другому начинают восприниматься стенания наших профессиональных плакальчиков по поводу «неготовности Красной Армии к войне»...

Стоит отметить и то, что 6-я кавдивизия, в составе которой воевал полк Гречаниченко, в сентябре 1939 входила в состав КМГ комкора Болдина и 22 сентября приняла из рук немцев «освобожденный» Белосток, а вторая дивизия корпуса (36-я кавалерийская) также участвовала в «освободительном походе» в этих же местах: 19 сентября 36-я кавдивизия вместе с другими частями 3-й и 11-й армий штурмом взяла Вильно (Вильнюс).

А уж сколько наркомов и маршалов начинало свою военную карьеру в 6-й кавдивизии и в 6-м кавкорпусе! Осенью 1919 г. командиром 6-й кд стал С. К. Тимошенко – будущий маршал, нарком обороны, дважды Герой Советского Союза.

В следующем, 1920 году помощником начштаба 6-й кд становится К.А. Мерецков – будущий маршал, Герой Советского Союза, начальник Генерального штаба РККА и заместитель наркома обороны в 1940–1941 гг.

В середине 30-х годов 6-м кавкорпусом командует Г.К. Жуков – будущий маршал, начальник Генерального штаба (после Мерецкого), четырежды Герой Советского Союза, а после смерти Сталина – министр обороны СССР.

Осенью 1939 г. 6-й кавкорпус ведет в бой еще один будущий маршал – А.И. Еременко. Начальником штаба артиллерийского полка в той же 6-й кавдивизии служил и будущий маршал К.С. Москаленко.

Даже с учетом «особой роли» Первой конной в формировании высшего командного состава РККА нельзя назвать 6-й кавкорпус иначе, как элитным соединением красной кавалерии. Остается только добавить, что начало войны с Германией этот незаурядный кавкорпус встретил в старинном польском городе Ломжа – т. е. прямо на границе с Германией!

Повторение – мать внушения. Коммунистические историки-пропагандисты столько тысяч раз рассказывали нам про то, как «накопивший двухлетний опыт ведения современной войны» вермахт обрушился на «плохо подготовленные советские войска», что в конце концов эта весьма спорная (точнее говоря – вздорная) гипотеза превратилась в непререкаемую аксиому. Но давайте попробуем воспользоваться головой и зададим ей простой вопрос: когда и где мог вермахт набраться этого самого «двухлетнего опыта ведения войны»?

Три недели боев в Польше, три-четыре недели активных боевых действий во Франции, неделя в Югославии. Вот и все. Даже чисто арифметически это **два месяца, а не два года!**

За исключением майских боев во Франции, вермахт имел дело с плохо вооруженным, малочисленным противником. Где же тут было набраться опыта танковой войны, войны машин и моторов? Менее ли значимым был опыт Халхин-Гола и трех месяцев финской войны? Да, у вермахта были еще ожесточенные бои при высадке в Норвегию, на Крите, в ливийской пустыне – но это все «бои местного значения», в которых приняло участие всего три-четыре дивизии.

Разумеется, кадровые дивизии вермахта были обучены и подготовлены в лучших традициях прусской военщины. Но много ли их было – кадровых?

До начала Второй мировой войны Германия успела подготовить только **35 кадровых** пехотных дивизий. На их базе были сформированы так называемые «пехотные дивизии первой волны» – элита вермахта. 22 июня 1941 г. в составе групп армий «Север», «Центр», «Юг» таких дивизий было всего 24 – **одна пятая от общего количества** пехотных дивизий!

Теперь от этих общих соображений вернемся к трагической истории разгрома 6-й кавдивизии. Как мы уже знаем, дивизия эта – одна из лучших и старейших и во всей Красной Армии. А какая подготовка, какой «двухлетний опыт ведения войны» мог быть у противостоящих ей немецких пехотных дивизий с номерами 162 и 256? Обе созданы уже в ходе войны, обе после французской кампании отведены на восток, где и простояли в бездействии до 22 июня 1941 г. Да что уж говорить про немецкую пехоту, если даже в самой мощной танковой группе Гудериана из пяти танковых дивизий две (17-я и 18-я) были «новорожденными». Первая из них была создана в октябре 1940 г. (т. е. уже после завершения боев в Польше и во Франции) на базе 27-й ПЕХОТНОЙ дивизии, вторая – в том же месяце на базе 4-й и 14-й ПЕХОТНЫХ дивизий. В Балканской кампании эти дивизии не участвовали, так что 22 июня 41-го года. стало для них первым днем войны...

Вернемся, однако, к мемуарам Гречаниченко.

«...25 июня немецкая артиллерия открыла массированный огонь на всю глубину боевого порядка полка. В воздухе на небольшой высоте непрерывно барражировала вражеская авиация... Уже в первые часы все наше тяжелое вооружение было выведено из строя, радиостанция разбита, связь полностью парализована. Полк нес тяжелые потери, был плотно прижат к земле, лишен возможности вести какие-либо активные действия. Погиб подполковник

Н.Г. Петросянц. Я принял на себя командование полком, а точнее – его остатками...»

Стоит отметить, что есть и несколько другие описания этих событий:

«...6-я кавалерийская дивизия с утра 25 июня в исходном районе для наступления (Маковляны, кол. Степановка) подверглась сильной бомбардировке с воздуха, продолжавшейся до 12 часов дня. Кавалеристы были рассеяны и в беспорядке начали отходить в леса...» (8)

К концу дня 25 июня от всей 6-й кавдивизии остался отряд в 300 человек, который под командованием автора мемуаров и старшего лейтенанта (оцените воинское звание командира, принявшего на себя командование остатками полка!) Я. Гавронского из соседнего, 48-го кавполка начинает безостановочный отход, практически не имея какого-либо соприкосновения с противником.

Вот и весь «краткий курс» истории разгрома 6-й кавдивизии.

Сильным и мужественным мужчинам свойственно быть добрыми и терпимыми к слабостям других людей. В. А. Гречаниченко – человек исключительного мужества. Именно ему командующий 3-й армией В.И. Кузнецов доверил 2 июля 1941 г. возглавить отряд прикрытия прорыва группы войск Западного фронта. Самому Владимиру Алексеевичу выйти из окружения не удалось, он стал партизаном и освобождение Белоруссии встретил в должности комиссара 1-й Белорусской кавалерийской партизанской бригады.

Автор этой книги на звание мужественного мужчины не претендует. И у него, как у специалиста, знакомого с историей Второй мировой войны в ее конкретно-цифровом измерении, не может не вызвать недоумения размер потерь, понесенных 6-й кавдивизией. Практически за несколько часов артобстрела дивизия потеряла **более 90 %** своего штатного состава! Могли ли **боевые потери** быть такими огромными?

Вскоре после окончания войны, в 1946 году «Воениздат» выпустил книгу генерал-полковника Ф.А. Самсонова «Артиллерийское наступление». Обобщая опыт боевых действий, автор приходит, средним «нормам» в 150–200 орудий на 1 км фронта наступления и 50 тысяч снарядов калибра «выше среднего» (122 мм) для подавления обороны пехотной дивизии. Это – в среднем. Фактически на завершающем этапе войны создавались гораздо большие плотности.

Одним из самых выдающихся примеров роли артиллерии при прорыве вражеской обороны является Висло-Одерская операции Красной Армии (январь 1945 г.). Утром 12 января передний край обороны немецких войск был сметен массированным артогнем. Генерал Д.Д. Лелюшенко в своих воспоминаниях пишет:

«...лес был буквально как косой срезан осколками снарядов... многие пленные были взяты в траншеях в невменяемом состоянии, просто полусумасшедшими... большинство солдат 574-го полка вермахта было убито или ранено...» (22)

Но для достижения такого результата советское командование создало в полосе прорыва чудовищную артиллерийскую плотность – **420 орудий на километр** фронта! На каждом метре обороны немецких войск разорвалось (в среднем) по 15 снарядов крупного калибра. В полосе наступления 5-й ударной армии за один час было израсходовано 23 килотонны боеприпасов – это мощность «хиросимской» атомной бомбы. (107, стр. 96)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.